

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Mission confessions
МИССИЯ КОНФЕССИЙ

№ 15

Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., заместитель полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе, доктор философских наук, член Союза писателей России.

Доктор Фабио Баджо, Директор Международного института миграции Скалабрини Папского Урбанианского Университета.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. МГУ имени Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор МГТУ имени Н.Э. Баумана.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ, генеральный директор Института энергии знаний.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Матушанская Ю.Г., доктор философских наук, доцент по кафедры философии, профессор кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета, профессор кафедры религиоведения (КФУ).

Ячин С.Е., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ДВФУ, Владивосток.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Бормотова Т.М., кандидат социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, старший научный сотрудник Государственном музее-памятнике «Исаакиевский собор».

Туманян Т.Г., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

Хрипкова Е.А., кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусства, факультет истории искусства, РГГУ.

Мартынкин А.В., кандидат исторических наук, директор Центра политических и этноконфессиональных исследований при Филиале МГУ в г. Севастополе, и.о. заместителя декана историко-филологического факультета, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, начальник отдела воспитательной работы и молодежной политики СПбГАУ.

Данненберг А.Н., доцент кафедры государственно-конфессиональных отношений РАНХиГС при Президенте РФ, доктор философских наук.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт. Великобритания.

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Чжан Вэй, КНР.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Deputy Presidential Envoy in the Central Federal District, Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Fadio Bodjo, Director of the International Institute for Migration "Scalabrini" of Pontifical Urban University.

Editorial Board

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Bauman Moscow State Technical University.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Matushanskaya Y.G., Doctor of Philosophical Science, Associate Professor in the Department of Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy and Science History, Professor of the Department of Religious Studies.

Yachin S.E., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of Far Eastern Federal University, Vladivostok.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Bormotova T.M., Candidate of Social Sciences, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, leading researcher at the Research Center №1.

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, senior researcher of the Museum Complex The State Museum St Isaac's Cathedral.

Tumanyan T.G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies.

Hripkova E.A., Candidate of History of Arts, Senior Lecturer, Department of Art History, Russian State Humanitarian University.

Martinkin A.V., Candidate of Historical Sciences, Director of the Center of political and ethno-religious Studies (Moscow State University in Sevastopol), Deputy Dean of Faculty History and Philology, Associate Professor of History and International Relations (Moscow State University in Sevastopol).

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Culture Studies, Head of the Department of Education and Youth Politics at St. Petersburg Agrarian University.

Dannenberg A.N., Associate Professor of Church-State Relations of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Philosophical Science.

Graeme Stowers, political scientist, expert, UK.

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Chjan Vei, People's Republic of China.

CONTENT

<i>CONFERENCE</i>	6
-------------------------	---

PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND CULTURE

<i>Archpriest Dmitri Leskin</i> Do Russian idea alive? Memory of Panarin A.S.....	9
<i>Matushanskaya Y.G., Mahmutova M.N.</i>	
Features of formation of the roman-byzantine law and its influence on the formation of the ecclesiastical law.....	21
<i>Pleshchitser M.Y.</i> The destructive social phenomenon as a complex social problem.....	28
<i>Afnasiev S.G.</i> The naturalistic-biologizing tendency and absolutisation of unconscious in western empathy theories of art creativity....	36

RELIGION AND SOCIETY

<i>Beysenbin K.A.</i> Issues of Interreligious Cooperation in Modern Russia.....	49
<i>Bredihin A.V.</i> Doukhobors in the system of international relations between Georgia and the Russian Federation.....	53
<i>Galaganova S.G.</i> “Thirst after righteousness” in the unrighteous world: the idea of justice and interconfessional christian dialogue.....	59
<i>Sufism: safety for people and the stability of States</i>	67
Mark Zuckerberg has presented the Pope online drone and donated \$ 500 thousand for the victims of the earthquake.....	69
<i>Abstracts</i>	70
<i>Authors</i>	72

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ	6
--------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Лескин Д.Ю.</i> Жива ли русская идея? Памяти А.С. Панарина.....	9
<i>Матушанская Ю.Г., Махмутова М.Н.</i> Особенности формирования римско-византийского права и его влияние на становление церковного права.....	21
<i>Плецицер М.Я.</i> Деструктивный социальный феномен как комплексная социальная проблема.....	28
<i>Афанасьев С.Г.</i> Натуралистически-биологизаторская тенденция и абсолютизация бессознательного в западных эмпатических теориях художественного творчества.....	36

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

<i>Бейсенбин К.А.</i> Проблемы межконфессионального сотрудничества в условиях современной России.....	49
<i>Бредихин А.В.</i> Духоборы в системе межнациональных отношений Грузии и Российской Федерации.....	53
<i>Галаганова С.Г.</i> «Жажда правды» в несправедном мире: идея справедливости и межконфессиональный христианский диалог....	59
<i>Суфизм: безопасность для человека и стабильность для государств</i> ... Марк Цукерберг подарил папе Римскому интернет-беспилотник и пожертвовал \$500 тыс. пострадавшим от землетрясения.....	69
<i>Аннотации</i>	70
<i>Авторы</i>	72

Конференция

Друзья!

Журнал **«Миссия конфессий»**
(«Межконфессиональная миссия»)

входит в Перечень ВАК №1944

Приглашаем всех к более активному участию!
Коллеги уже предлагают темы интернет-конференций,
круглых столов, обсуждений и др..

Предлагайте, пишите, за работу!

Предложения к проведению он-лайн проектов
«Миссия конфессий»

Тема 1: Исламско-христианский диалог: мировоззренческие установки как культура и протокольная практика (на примере статуса и содержания Божественного откровения и др.), (целевая аудитория – студенты вузов; возможно – серия теле-мостов с фондом «Сулеймания», Стамбул).

Тема 2: «Наследие отцов»: археография в контексте картины мира и цивилизационный диалог.

Тема 3: Религиозные традиции, религиозные организации и государственно-религиозные отношения в России: религиозоведческий, богословский, политико-правовой аспекты.

Тема 4: Конфликт и миропорядок: противоречия как

условие стабильности (локальный, региональный и международный контекст).

Тема 5: Общественное сознание и технологий пропаганды: проблемы профилактики дезадаптивных практик и вербовки (на примере ИГИЛ, Джебхат ан-Нусра и др. - использование социальных сетей, Скайпа, Ютуба и др.)

Тема 6: Миграционные процессы в странах Евросоюза (на примере конкретной страны или группы стран), как фактор криминализации, включая профилактику и политико-правовое регулирование.

Тема 7: Российская миграция внутренняя и внешняя в контексте глобальных процессов, идеологемы «Русский мир» и развития инструментов «мягкой силы».

Тема 8: конференция «Суфизм: богословско-религиозно-политический и социально-политический аспекты» (проблемы общественной стабильности и национально-государственной, региональной безопасности).

Тема 9: конференция «Государство – общество - малая группа: проблемы строительства в контексте обеспечения национально-государственной безопасности».

ФИЛОСОФИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

КУЛЬТУРА

PHILOSOPHY

SOCIOLOGY

CULTURE

Лескин Д.Ю.

*Протоиерей, доктор философских наук, кандидат богословия,
ректор Поволжского православного института, член Общественной палаты
Российской Федерации, директор Православной классической гимназии
г.о. Тольятти, заведующий кафедрой теологии СамГУПС, г. Самара.*

Жива ли русская идея? Памяти А.С. Панарина¹

*Россию невозможно одолеть материальной
силой. По-настоящему уязвима она лишь пе-
ред технологиями разрушения смысла.*

Панарин А.С.

В свой последний исторический период российская интеллектуальная и политическая элита вступила с неадекватным сознанием. Она призвала к модернизации и новому витку НТР в тот момент, когда обострившиеся глобальные проблемы указывали на гибельность этого пути. Она вместе со всем человечеством хотела отпраздновать «победу над тоталитаризмом», забыв, что в массовом западном сознании СССР уже давно отождествлен с исторической Россией, в связи с чем демонтаж социалистической системы понимался как поражение России в холодной войне. Наконец, постсоветские западники восторженно объявляли о возвращении страны в «общеевропейский дом», когда Запад окончательно признал что Россия – не европейская страна, исключив ее из коллективной системы европейской безопасности².

Неадекватность и плохо маскируемые пораженческие настроения значительной части советской интеллигенции объяснить несложно. Зауженная тоталитарным режимом мировоззренческая перспектива, культурная изоляция, усталость от политического бесправия и нищеты, соединившиеся с прагматическим желанием «жить также хорошо, как в Америке», не позволили объективно оценивать ситуацию.

Однако ключевым и поистине судьбоносным остается ответ на вопрос, что стоит за ментальной неготовностью Запада считать Россию своей, откуда этот «метафизический испуг» перед ее историей и про странством, неискоренимая подозрительность в отношении всякой российской стратегической инициативы?

«Россия – сфинкс» для Запада в силу своей инаковости, не своди-

1 Выступление на конференции «Дни Петербургской философии – 2010» «Будущее России: стратегии философского осмысления», Санкт - Петербург, 18-20 ноября 2010г.

2 Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. С. 10.

мости к его цивилизационным кодам. Однако эта инаковость другого рода, чем своеобразие Китая или арабского мира. Всмотревшись в Россию, Европа находит в ней много генетически родственных себе черт, получивших однако совершенно особое развитие. Россия – своеобразный космос, питавшийся от тех же источников, что и Запад, но духовно и исторически сформировавшийся на других путях и взрастивший иное цивилизационное древо.

Это остро ощущала и сама русская мысль при непосредственном соприкосновении с западной интеллектуальной и культурной традицией. Уже П.Я. Чаадаев в «Философических письмах» признавал, что «мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого»³. Чуть ниже он называет и основную причину этой невозможности включить Россию в «европейскую семью», вступить с ней в «животворное единство» и принять участие в воздвижении величественного «здания современной цивилизации». «По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов»⁴.

Сейчас для нас важна не эмоционально-оценочная характеристика Чаадаева, а точное указание на важнейший источник духовного своеобразия русского мира. Им является *православие*, воспринятое от Константинополя, Царьграда, в то время как западноевропейские народы были религиозно спаяны могущественной рукой католического Рима.

Византия стала для Руси материнской цивилизацией. Восприняв после ее гибели нелегкий удел быть единственным православным государством в мире, «Россия ищет свое отечество в будущем, предпочитая одиночество в настоящем. В горизонте конечного спасения одиночество – залог неотмирности; менять его на выгодные союзы, таящие измену высшему призванию, значит отказаться от своего первородства»⁵. По мысли А.С. Панарина, цивилизационная парадигма России отчетливо сформировалась именно в момент падения Константинополя в 1453 году, когда верность православию русское государство-нация восприняло как историческое задание вселенского масштаба, что вскоре выкристаллизовалось в концепцию «Москва - Третий Рим». Здесь сочетался ряд узловых моментов, которые А.С. Панарин определяет следующим образом:

3 Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2-х тт. Т. 1. М., 1991. С. 323.

4 Там же. С. 331.

5 Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 27.

- русская государственность сакрализируется. Она призвана воплощать не столько греховные земные интересы (богатство и власть), сколько высшие, миропасительные;

- в русской ментальности происходит совпадение религиозной и этнической идентичности: русские – православные (самоназвание русских землепашцев – «крестьяне», т.е. христиане). Этническая идентичность поставлена под знак религиозной, ее сохранение зависит от верности своей религиозной традиции;

- «праведное одиночество во враждебном мире». Поскольку после падения Константинополя других православных государств не осталось, Россия оказалась единственной защитницей восточного христианства, Святой Русью, призванной хранить православие и тем удерживать весь мир от окончательной апостасии и пришествия антихриста. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти»⁶, - так сформулировал этот принцип старец псковского Елеазарьева монастыря Филофей. В нем соединились предельное одиночество с предельной ответственностью за весь мир, что породило особый тип идейной мобилизованности⁷.

Отечественная философия также настаивала на существовании особой «русской идеи», которая соответствует характеру и призванию русского народа⁸. Ее возраст – «возраст самой России»⁹, а призвание – свидетельствовать человечеству о духовных началах бытия, о смысле жизни, о Логосе в мировой истории. Культурологическое преломление этой мессианской задачи емко выражено композитором Г.В. Свиридовым: «Русская культура не отделима от чувства совести. Совесть – вот что Россия привнесла в мировое сознание»¹⁰. Русской ментальности глубоко присуще понимание космоса как органически единого целого, берущее начало в особом мировоззрении, сложившемся в православном славяно-русском ареале. Оно являет способ постижения реальности, который объединяет онтологию и эстетику, трансценденцию и экзистенцию. При характерной цивилизационной замкнутости, обусловленной исторически, русская культура всегда устремлялась к вселенским горизонтам и конечным смыслам, не довольствуясь средними пространствами. Она легко дышала только в перспективе

6 Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 440.

7 Панарин А.С. Реванш истории. С. 60.

8 Бердяев Н.А. Русская идея. В кн. О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 266.

9 Ильин И.А. Наши задачи. В 2-х тт. М., 1992. Т.1. С. 331.

10 Русская доктрина. Под общ. ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. Тольятти, 2007. С. 226.

бесконечности и чутко вслушивалась в отзвуки иных миров, что тонко прочувствовал Ф.М. Достоевский в «Пушкинской речи», назвав это свойство «всемирной отзывчивостью русской души». Оттого в русской философии вполне очевидно преобладание социальной заостренности, аксиологии и этики, формируется самобытная теория познания, существенно отличавшаяся от логико-силлогистической европейской гносеологии, возникает особая традиция осмысления целостности и полноты жизни, не желающая «принять целиком гуманистической культуры Нового времени, его рационалистического сознания, его формальной логики и формального права, его религиозной нейтральности, его секулярной срединности»¹¹. Метафизика всеединства, концепт цельного знания, учение о соборности, онтологическая теория языка (философия имени), наконец, софиология – те учения, которые были созданы и развивались в лоне русской философской традиции, став предпочтительной для нее формой разработки определенного типа всеобщности, специфика которого легко ощутима в сравнении с западноевропейскими моделями¹².

Это расхождение русского и европейского мирозерцания афористично выразил Б.П. Вышеславцев: «Наша встреча с западными философами сразу обнаружила разницу душевных и духовных установок. Разницу нелегко показать: *философия была та же... Но отношение другое*: у них она воспринималась чисто интеллектуально – мышлением и наблюдением фактов. У нас – скорее чувством и интуицией... Нас поражал их сухой, строго дифференцированный интеллектуализм... Их поражал и иногда раздражал наш абсолютизм, максимализм, наше требование окончательных решений и сведение всех проблем к последнему смыслу всего существующего». Тот же Б.П. Вышеславцев называет то общее, что объединяет большинство русских философов вне зависимости от конкретной своеобразности их учений, «*стремлением к Абсолюту*». «Они (западные философы – Д.Л.) так долго утверждали «релятивность» всякого знания, что, наконец, забыли, что нет релятивного без противопоставления Абсолютному, а потом забыли об Абсолютном»¹³.

Особое «антропологически-эклизиологическое» пространство, которое сформировалось в русской духовной традиции не позволяло ей органично встроиться и тем более отождествиться с европейским ми-

11 Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Сочинения в 2-х тт. М., 1994. С. 415.

12 См. также. Лескин Д. прот. Метафизика слова и имени в русской религиозно-философской мысли. СПб., 2008. С. 14-20.

13 Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 156.

ропониманием ни в XVIII, ни в XIX столетиях – эпоху максимально-го сближения с Западом и вовлеченности в его жизнь. В этом диалоге голос России всегда начинал звучать по-особому, то тихо, то громко диссонирова с «общевропейским оркестром». Речь идет не только о сфере культуры. И «Священный союз» Александра I, и панславянская деятельность Александра II, увенчавшаяся победоносными освободительными войнами с Турцией, и предложения Николая II на Гаагских мирных конференциях воспринимались прагматичным европейским политическим миром как недопустимая романтика и терпелись лишь до той поры, пока сила русских штыков готова была стоять на страже этого «романтизма».

На это неизбежное русское своеобразие западный, прежде всего атлантический англо-саксонский, мир нередко реагирует с плохо скрываемым раздражением. Яркий пример – исследование директора библиотеки конгресса США Дж. Биллингтона «Икона и топор»¹⁴, посвященное интерпретации истории «мятущегося, но творческого русского народа». Автор убежден, что в русском сознании уже в XVII веке прочно закрепились социальные архетипы ксенофобии, национального превозношения и антисемитизма. В современной России Биллингтон также обнаруживает устойчивый рост русского национализма и стремительно возрастающее обращение политиков к всевозможного рода национальным символам, что, при сохранении доминирования государственно-корпоративной экономики, может привести к конечному итогу – русскому варианту фашизма. По признанию Биллингтона, он стремился придать своей объемной книге «ироничную тональность, считая русскую цивилизацию своеобразным, но не существенным для мировой истории опытом.

В эпоху потрясений начала XX века, которые лишили Россию ее исторического призвания, Н.А. Бердяев, предчувствовавший в грохоте революций рождение следующей эпохи, названной им «Новым средневековьем», писал, еще раз подчеркивая разномыслие России и Европы: «России в переходе от Новой истории к Новому средневековью будет принадлежать совсем особое место. Она скорее родит антихриста, чем гуманистическую демократию и нейтральную гуманистическую культуру»¹⁵. Мыслителю казалось, что грандиозные изменения того времени поставят Россию во главе новых, столь чаемых им процессов обретения человечеством утраченных в последние века высших смыслов. «Разложение ... секулярного гуманистического цар-

14 Биллингтон Дж. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. – М., 2001.

15 Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Сочинения в 2-х тт. С. 415.

ства, обнаружение во всем полярно-противоположных начал и есть конец безрелигиозной эпохи Нового времени... Религия не может быть частным делом, как того хотела новая история, она не может быть автономна, и не могут быть автономны все другие сферы культуры. Религия опять делается в высшей степени ... всеопределяющим делом»¹⁶. В идеологической «одержимости» коммунизма, требующего безусловного подчинения всех сторон жизни «религии дьявола», он видел доказательство своей правоты.

И хотя новое средневековье по-бердяевски не состоялось, во многом русский философ был прав: России в XX веке действительно принадлежало «совсем особое место». Глубже иных народов она заглянула в inferнальные бездны, приоткрыв их для всего человечества, которое, быть может, именно благодаря русской трагедии отшатнулось от края пропасти.

Сокрушительные катаклизмы, пережитые Россией в минувшем столетии, ставят вопрос: жива ли сама российская идентичность? Не является ли русский мессианизм просто историческим реликтом? Имеется немало оснований так считать. Господствующая коммунистическая идеология нанесла разрушительный удар по «душе России». «Социализм антисоциален потому, что он убивает свободу и творческую инициативу; уравнивает всех в нищете и зависимости, чтобы создать новую привилегированную касту партийных чиновников-угнетателей; проповедует классовую ненависть вместо братства; правит террором, создает рабство и выдает его за справедливый строй... Это коварный обман обещать людям под именем «социализма» справедливость и братство, и потом отнять у них достоинство, свободу, способность к братству и путь к справедливости»¹⁷. Советский строй жесточайшим образом эксплуатировал духовную и биологическую энергию подчиненных народов, в первую очередь русского. Коллективный психоз, охватывавший сотни тысяч людей в борьбе за построение бесклассового общества и индустриализацию, сменялся активно культивировавшимися властью пароксизмами социальной ненависти к внешним и внутренним «врагам народа» – «акулам капитализма», «жадным слугам империализма», «бессовестным стяжателям долларов». Сознание советского человека было изуродовано политическим бесправием, бюрократической задавленностью, экономическим обнищанием, разложением бытовой жизни и всепроникающей ложью. Провозглашенный коммунистический идеал во многих случаях оказывался дымовой завесой агрессивной внешней политики СССР. Под флагом борьбы за

16 Там же. С. 414.

17 Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. Т.2. Кн. 1, М, 1993. С. 37-40.

«мир во всем мире» была развернута война за политическое господство, приход «народной демократии» в страны послевоенной Восточной Европы превратился в насаждение новой диктатуры; советский патриотизм стал синонимом атеистического интернационализма, бичующего «великодержавный шовинизм» русского народа, а братская помощь трудящимся других стран – подпольным экспортом революции. Уже в 1950-е годы советское общество начало демонстрировать психологическое истощение и социальную апатию. Сразу после их легализации, СССР превратился в лидера по числу абортот. Наблюдается слом общественного воспроизводства. Власти все сложнее становилось возбуждать в народе массовый энтузиазм. Об этом с тревогой говорили и сами коммунистические вожди. К примеру, главный партийный идеолог А.А. Жданов в 1946 году заявлял: «Положение достаточно серьезное... Намерение разбить нас на поле брани провалилось. Теперь империализм будет все настойчивей разворачивать против нас идеологическое наступление... мы-де победители... Наши люди... хотят теперь хорошо жить. Миллионы побывали за границей... Они видели не только плохое, но кое-что такое, что заставило их задуматься... Среди части интеллигенции, и не только интеллигенции, бродят такие настроения: пропади все пропадом, всякая политика, хотим просто хорошо жить. Зарабатывать. Свободно дышать. С удовольствием отдыхать... Настроения аполитичности, безыдейности очень опасны для судеб нашей страны. Они ведут нас в трясиину... Какой стыд, какое унижение национального достоинства»¹⁸. Эти процессы в советском обществе из года в год только набирали свою силу, став главной причиной краха СССР в 1991 году.

Многие отечественные мыслители, как оказавшиеся в эмиграции, так и оставшиеся на родине, воспринимали большевистскую революцию как конец христианской цивилизации в России. В конце своей жизни А.Ф. Лосев с горечью замечал: «Я тот мужик, который еще захватил конец. И с этим воспоминанием я живу всю жизнь. Теперь эта культура исчезла, ее нигде нет. Русский мужик все это уничтожил. А какое было величие!»¹⁹ И несколько ниже: «Русский народ – безбожник, что же ему объяснять такие тонкости и глубины? [речь идет о красоте православного богослужения – Д.Л. Бисер перед свиньями]»²⁰. Мучительно размышляя о причинах и смысле постигшей Россию катастрофы, епископ Варнава (Беляев) писал в своих

18 Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 11

19 Лосев А.Ф. Имя: избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб., 1997. С. 496.

20 Там же. С. 519.

«Записных книжках» в 1954 году: «Советский строй есть наказание Божие, а вместе с тем показательный пример для всего человечества - что бывает с народом, отступившим от заповедей и повелений Божиих»²¹. Мысль епископа Русской Православной Церкви вполне созвучна чаадаевскому пророчеству о неслыханном уроке, который Россия должна преподать всему миру.

Советский строй деформировал и существенно извратил русскую ментальность, оторвав ее от материнской православной традиции и надругавшись над нею. Богоборчество, наравне с идеей социальной ненависти, являлось движущей силой репрессий, совершенных в годы революции, гражданской войны и в последующий период существования советского государства²².

В «Наших задачах» Иван Ильин провидчески говорил о невозможности и опасности мгновенного установления демократического строя в России после краха большевизма: «Напрасно думать, что революция готовит в России буржуазную демократию. Буржуазная особь подорвана у нас революцией. Мы получим в наследство пролетаризированную особь, измученную, ожесточенную и деморализованную»²³. Социальные и психологические процессы, произошедшие с народом России в последние двадцать лет, подтверждают это замечание. Советское наследие принесло свой самый большой ядовитый плод уже после краха социалистической системы, когда под вопросом оказалось сохранение самой российской государственности. До сих пор новая Россия в лице своих властных элит не может самоидентифицировать себя с исторической Россией, испытывает законные сомнения в своей принадлежности к тысячелетней традиции.

Современное российское общество находится в состоянии многомерного кризиса. В качестве политического единства оно демонстрирует атрофию воли к мобилизации даже с целью самозащиты – при отстаивании государственных приоритетов или национального достоинства. Подавляющее большинство граждан России проявляет апатию и пренебрежение к смыслополагающим вопросам: цель жизни, будущее нации, судьба отечества, исторические корни, собственное здоровье и т.д. В России нет созидательной стратегии, которая могла бы послужить воодушевляющим и скрепляющим народное единство началом. Даже факт самоощущения русским этносом себя единым це-

21 «Дядя Коля против». Записные книжки еп. Варнавы (Беляева) 1950-1960. Нижний Новгород, 2010. С. 512.

22 См. Предложения Церкви государству и обществу относительно увековечивания новомучеников и пострадавших в годы гонений. Проект документа Межсоборного Присутствия Русской Православной Церкви. 2010.

23 Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. Т.2. Кн. 1. С. 448.

лым вызывает сомнение. Понятия народных святынь, «любви к родному пепелищу» и «отеческим гробам» не только систематически осмеиваются влиятельнейшими представителями шоу-бизнеса, не только изошренно бичуются многочисленными общественными деятелями, не только фактически изгнаны из системы отечественного образования, но, что самое опасное, уже не играют существенной роли в повседневной жизни большинства россиян. Государственная риторика и федеральные программы патриотического воспитания оказывают на ситуацию весьма ограниченное воздействие.

В интервью «Российской философской газете» накануне «Дней Петербургской философии – 2010» председатель петербургского философского общества профессор Ю.Н. Солонин сказал, что современная Россия пребывает в стороне от подлинных «вызовов» истории и действительности, явлениям высшего порядка. Общество демонстрирует растворенность и задавленность массой не решенных житейских проблем и неспособно к элементарной эффективности, потеряно элементарное чувство самосохранения, воля к жизни и продуктивному труду. «Мы еще слишком очевидно не можем разделаться с тоской будничных мелочных неустройств, которых такое скопище, что именно они-то и стали национальной проблемой и вызовом»²⁴.

Переживает российское общество и системный *нравственный* кризис. Сегодня Россия является наименее традиционалистской из всех стран (в связи с чем не просто смешны, а заведомо лживы и провокационны обвинительные заявления крики о «реставрации» и политике реваншизма). Она поражена «изъянами постмодерна» - предельной релятивностью нравственных норм, отсутствием на ментальном уровне надежных процедур различения добра и зла, оскудением социальной любви, жертвенности и взаимовыручки.

В течение последних десятилетий состоялась значительная, хотя и не полная, как многие ожидали, дискредитация России в евразийском пространстве. Она имеет двойственную природу. С одной стороны, ее причиной стала неспособность нашей страны самостоятельно, на основе отечественной культурной традиции, расстаться с коммунизмом и выработать собственную большую идею: свою будущую судьбу Россия вновь пыталась позаимствовать у Запада. С другой стороны, во внешней и внутренней национальной политике «официальная Россия продолжает проигрывать по старому счету – как бездуховная и беспринципная сила, без боя отступающая перед более мощными противниками, но не

24 Интервью Ю.Н. Солонина «Российской философской газете» Дни петербургской философии – 2010 «Будущее России: стратегии философского осмысления». См.: <http://philosophy.pu.ru>

считающаяся с теми, кто выглядит заведомо слабее»²⁵.

Властные элиты современной России демонстрируют стойкий прагматизм и равнодушие к вопросам Большой Истории, во имя сиюминутной выгоды отказываясь от глобальной перспективы. Ей чужды культурологические и нравственные измерения экономики и политики. В этом отношении она «более атеистична чем прежняя коммунистическая элита»²⁶. Мир еще не привык к России, исповедующей мораль успеха и утилитарной выгоды, готовой искать дружбы у сильных, отвернувшейся от прежних союзников как неудачников, сотрудничество с которыми предосудительно. Она последовательно и нарочито громко заявляет человечеству об отказе от былых мессианских амбиций, показывая, что уже не стремится быть игроком мирового значения и иметь свою национальную стратегию. Более того, нашей политической элите свойственна готовность оправдываться и извиняться даже во мнимых обвинениях в имперских амбициях и в претензиях на статус сверхдержавы. Некоторый весьма ограниченный тренд в сторону от такой позиции высшая российская власть демонстрирует последние годы.

А.С. Панарин утверждает, что все 1990-е годы «правлящее западничество» проводило беспрецедентную по мощи кампанию с целью изменить российский культурный генотип. «На высшем уровне - это беспощадные сарказмы интеллектуалов в адрес национальной традиции, национальных героев, на низшем уровне – массированное воздействие порноиндустрии, других сильнодействующих средств, призванных вытравить источники нравственного пафоса. Цель этой новой либеральной педагогики – максимально «остудить» ценностно ангажированную личность, придать ей эмпирическую ориентацию, соответствующую «законам рынка»»²⁷.

Так жива ли русская идея? Суждено ли России еще выговорить то вселенское слово, о котором писали Достоевский и Соловьев, и которого до сих пор ждут от нее многие – как друзья, так и недоброжелатели. Мы склоны дать положительный ответ на этот вопрос. Несмотря на множество негативных характеристик, российская идентичность сохранена и способна проявлять себя даже там, где с ней уже давно распрощались. Признавая колоссальность поражений советского и постсоветского периодов, все же необходимо признать наличие поразительного запаса биологической прочности русского народа и центростремительной силы русского пространства. Вну-

25 Панарин А.С. Реванш истории. С. 87.

26 Там же. С. 86.

27 Там же. С. 299.

тренний потенциал цивилизации еще не истощен безвозвратно, и способность к самоопределению не утрачена полностью. Один из ярчайших примеров тому – возрождение Русской Православной Церкви силами самого российского общества, в котором государство приняло минимальное участие.

Оттого и беспрецедентность пропагандистских акций, культивирующих стереотип «вымирающей нации», основной пафос которых – агрессивное стремление выдать желаемое за действительное, ослабить или заморозить возможную и естественную тягу русского народа к самореабилитации. Засыхание этих источников и полное подавление исторической памяти при доминировании самовосприятия России как отсталой страны, а ее государствообразующего народа как деморализованной, лишившейся пассионарности нации, способно привести к окончательному угасанию духовной и культурной состоятельности русской цивилизации. Преодоление этой самоубийственной тенденции возможно только через возвращение России в пространство Большой истории, решительный отказ от «игры на понижение», направленной на остужение ее пространственно-временного сознания, поскольку сама «способность России удерживать, организовывать и цивилизовывать пространство прямо связана с напряженностью ее исторической веры в Большое время»²⁸. Лишь на этом пути, через осознание очистительной силы пережитых страданий и унижений, русский человек способен выговорить «свою русскую Идею, с тем чтобы осуществить ее во всем – в религии и в науке, в праве и в государственной форме, в искусстве и в труде, в суде, в медицине и в воспитании»²⁹. И наличие готовности современной России вновь осознать себя цивилизацией планетарного масштаба, имеющей свою стратегическую миссию, в недалекой перспективе может оказаться одним из решающих факторов преодоления нарастающей бессмысленности строительства лишаящего себя альтернативных путей глобального мира.

Bibliography

1. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // *Etnosotsium and international culture*. 2016. № 2 (92). P. 9 – 20.
2. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia: Monograph. – М.: Etnosotsium, 2016. 266 p.
3. Ryabova E.L. (Review) Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia In XXI century: a national response to the national question. М.: Etnosotsium, 2015. // *Etnosotsium and international culture*. 2015. №10 (88). – P. 175 - 179.

28 Там же. С. 387.

29 Ильин И.А. Собр. соч. в 10-ти тт. Т.

4. Ryabova E.L. Interethnic conflicts: the question about the causes and ways to overcome // *Etnosotsium and international culture*. 2012. №1 (43). – P. 10- 15.
5. Ryabova E.L. The discussion on the strategy of international relations (editorial) // *Etnosotsium and international culture*. 2012. №5 (47). – P. 7-8.
6. Ryabova E.L. Ethnic Relations and Culture of conflict interaction // *Herald BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2012. №1 (13). – P. 63- 68.
7. Dzutsev K.V. Ethnological portrait of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation. M. ROSSPEN 2012.
8. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 2. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
9. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 3. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
10. Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia in the XXI century: a national response to the national question: Monograph. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2009.
11. Ryabova E.L., Boltenkova L.F. Basics of public administration in Russia in their historical development. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium” Moscow. 2015.
12. Bormotova T.M., Ryabova E.L., Shikula I.R., Radchenko A.F., Suzdaleva T.R. Migration management of modern Russia: political forecasting // *Collective monograph* // Edited by E.L. Ryabova, T.M. Bormotova. International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015. 90 p.
13. Biryukov S.V., Ryabova E.L. Eurasian Integration: the Republic of Kazakhstan as an example of state-building and participation in the integration processes. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
14. Ternovaya L.O., Bagaeva A.V. Legal basis for European integration. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
15. Bredihin A.V. Donetsk-Makeevka agglomeration: the development of cross-border cooperation // *Almanac Cossacks* 2016. №19 P. 12-17.
16. Kostukov A.L. Peculiarities of Russian educational services export // *Almanac Cossacks*. 2016. №20. P. 51-65.
17. Ryabova E.L. Russian Economy: pair cosmopolitan and national problems // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 1 (67). P. 9-11.
18. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 2 (68). P. 9-15.
19. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 3 (69). P. 9-15.
20. Markaryan V.R., Smirnova M.I. Ethnicity and ethnic identity in modern science // *Etnosotsium and international culture*. 2016. № 4 (82). P. 81-87.
21. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // “Interchurch Mission” 2016. №14. P. 6-13.
22. Kostukov A.L. Peculiarities of Russian educational services export // *Almanac Cossacks*. 2016. №20 P. 51-65.
23. Bredihin A.V. Donetsk-Makeevka agglomeration: the development of cross-border cooperation // *Almanac Cossacks*. 2016. №19. P. 12-17.
24. Pusko V.S. Russian society and its ideology // *Etnosotsium and international culture*. 2015. № 4 (82). P. 15- 20.
25. Ermakov V.M., Antsiferova I.V. The meaning of the concept “mentality”: substantive and structurally functional aspects // *Etnosotsium and international culture*. 2016. №4 (94). P. 46- 47.
26. Aminov I.R. The state national policy as a way to maintain the ethno-political stability in modern Russia. // *State of Law: Theory and Practice*. 2014 № 4 (38). P. 26-28.

Матушанская Ю.Г.

Доктор философских наук, доцент по кафедре философии, профессор кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета, профессор кафедры религиоведения (КФУ).

Махмутова М.Н.

Магистр религиоведения (КФУ)

Особенности формирования римско-византийского права и его влияние на становление церковного права

Проблемы взаимоотношений церкви и государства, их функции и методы воздействия на общество являются сейчас актуальными и востребованными. Вопрос заключается лишь в том, на каких основаниях стоит церковь, что позволяет ей эффективно функционировать в государстве. Такой основой является правовая система, именно изучение функционирования правовых механизмов позволит по-новому взглянуть на проблемы, возникающие в церковно-государственных отношениях. Церковно-государственные отношения давно являются предметом исследования ученых. Современные ученые в попытке рассмотреть церковно-государственные отношения не всегда обращают факт на юридические аспекты данной проблемы. Церковно-государственные отношения чаще относили к сфере философии, даже симфония властей считалась чем-то абстрактным. Так как симфония властей, зародившаяся во времена правления Юстиниана, представляла собой стройную теорию совместного существования государства и церкви, она долгое время являлась основой взаимоотношений церкви и государства, сначала в Византии, после в России. Возможность построения такой модели в России тоже существует, правда с некоторыми оговорками. Важнее то, как будут построены отношения церкви и государства в правовой сфере. От того, во многом зависит положение церкви в государстве. Данная тема исследуется многими областями наук и потому является особенно актуальной в настоящее время. Еще со времен правления Константина Великого соотношение церкви и государства представлялось не только возможным, но и необходимым. Во взаимодействии церкви и государства проявляется их основное предназначение, цель и направленность.

Проблема взаимоотношений церкви и государства стоит на сты-

ке юриспруденции, истории и богословия. Каждая из этих дисциплин предлагает свой подход к ее решению. Исследователи, как правило, разграничивают сферы влияния церкви и государства и уже на основании этого различения изучают проблемы их взаимодействия. Этот подход не является исчерпывающим, в нем заложено противоречие, так как за многие века тесного взаимодействия церковь и государство практически стали единым целым механизмом.

Столкновение христианства с римским миром много значило для христианства. Церковь получила основу для своей власти и поддержку со стороны государства. Конечно, церковь не сразу получила место в системе государства, но, получив его, она стала необходимым его элементом, без которого невозможно представить Империю.

Изначально римская государственность держалась на началах римского права и императорского законодательства. Особенность римской государственности заключалась в утилитарно-рациональном характере, в отсутствии глубоких рассуждений об устройстве Вселенной. Картина мира заключалась в конкретных понятиях права: справедливость, законность, добро, благо, зло. Законно – все то, что справедливо, благо – это следование закону, зло – все то, что противоречит нормам права. Даже само слово право трактовалось как основа мироздания¹.

В период республики в Римской империи был очень плодотворен в смысле права, эпоха римских императоров много внесла в римское право еще больше. Именно то количество императорских постановлений. С 27 года до н. э. по 476 год было издано столько императорских законов, сколько не было издано за все существование римского права. Это привело к многочисленным казусам, римские законы сами себе порой противоречили². Огромная империя необходимо нуждалась в новом праве, которое регулировало бы отношения не только свободных граждан Рима, но и огромного количества перегринов, которое превышали численность коренного населения в несколько раз.

Новый христианский мир перевернул все представления Рима о власти. Новозаветная теория власти, базирующаяся, прежде всего, на Ветхозаветной теории, заключалась в разделении двух очень важных сторон общественной жизни – жизни религиозной и жизни светской. Две власти должны были сдерживать друг друга и в союзе своем мудро править страной. Согласно учению библейских пророков социальное

1 Бочаров В. В. Истоки власти. // Антропология власти. Хрестоматия по антропологии. СПб., 2006 г. Т. 1. С 675.

2 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 1. М., 1996. С 307.

и этическое пространство должно определяться идеей справедливости³. Право в этой системе занимало особое место, так как оно должно было быть абсолютно справедливым и беспристрастным. Завет играл роль арбитра и всегда решал все в пользу народа. Ключевой фигурой был именно он. В Ветхом завете было много примеров того, как низлагали царей. По мнению Г.Когена, иудаизм дал миру этику, основанную на представлении о равенстве всех людей⁴. Коген доказывал, что под ближним в иудаизме понимается не только соплеменник, а любой человек⁵. Божественная праведность носит универсальный характер и подразумевает наличие единой общезначимой нормы для всех⁶. Одни должны были управлять страной, другие по справедливости управлять религиозной жизнью людей. Смешения двух этих функций нельзя было допустить.

Библейская теория власти была наиболее выигрышной, справедливой и уравновешенной. Римский мир, напротив, погряз в бюрократизме и взяточничестве. Многочисленные кодификации, хоть и направлены были на унификацию законодательства, но в действительности не могли решить многочисленные проблемы, возникающие в праве. Проблемы эти были связаны не только с применением права, но и с тем, что выработанное за многие века римское право регулировало отношения среди свободных граждан Рима. Отношения же среди перегринов регулировались правом народов. К тому же разрастание империи привело к тому, что римское право совсем себя исчерпало как в правовом смысле, так и в идеологическом.

Продолжительные и масштабные реформы Диоклетиана ознаменовали выход из кризиса и начало новой эпохи. В свое правление Константин Великий смог соединить несовместимое и сделать Византийскую Империю процветающей державой, дать ей импульс для развития на целое тысячелетие.

3 Бемянская Л.В., Матушанская Ю.Г. Идея социального равенства в древнееврейской культуре и ее неокантианские рецепции // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология. Социальные технологии. 2010. №1. С. 6.

4 Cohen H. Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums. Wiesbaden, 1978. S. 5.

5 Бемянская Л.В., Матушанская Ю.Г. Идея социального равенства в древнееврейской культуре и ее неокантианские рецепции // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология. Социальные технологии. 2010. №1. С. 9.

6 Бемянская Л.В., Матушанская Ю.Г. Идея социального равенства в древнееврейской культуре и ее неокантианские рецепции // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология. Социальные технологии. 2010. №1. С. 6.

Начал он свою деятельность с того, что в 333 г.⁷ издал мало примечательный закон, благодаря которому епископы стали выносить решения в гражданских судах. К епископам было все же некоторое доверие, так как они считались носителями божественного закона и морали. Таким образом, с легкой руки Константина Великого, церковь стала встраиваться в государственную систему Византийской империи.

Таким образом, выстраивая свои отношения с государством, церковь стала использовать Ветхозаветную традицию. В Византии стали воплощаться принципы правления Библейской модели. Власть разделилась на светскую и религиозную.

Место церкви в системе взаимоотношений с государством было определено еще Константином Великим, но границы влияния на общество и систему государственного управления были подвижными и менялись в зависимости от ситуации. Механизмы определения этих границ – идеология и право. Эти два института есть почти в каждом государстве, но их роль порой недооценивается. Так часто идеология служит лишь прикрытием для власти, а право используется для узаконивания преступных деяний правительства. И, тем не менее, церковь и государство обладают схожими механизмами воздействия на общество, благодаря которым они взаимодействуют и выстраивают свои отношения.

Последующие кодификации императоров Феодосия и Юстиниана в целом были направлены на упрочнение власти церкви в империи. Более того, Юстинианом была предпринята попытка соединения норм церкви и норм права в единый законодательный акт – номоканон⁸. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что власть церкви была значительна. Безусловно, действия императора были направлены на упрочнение своего положения, о чем также свидетельствуют многочисленные вмешательства в дела церкви. Церковь стала важным элементом в государственной системе, без нее немислима ни благотворительность, ни семейно-брачные отношения, ни судопроизводство.

Роль правовой системы в становлении церкви огромна. Да, безусловно, действия Константина Великого в отношении церкви, направлены были на поддержание авторитета государства и императорской власти. Но даже это обстоятельство отошло на второй план, когда пе-

7 Рудоквас А.Д. Очерки религиозной политики Римской Империи времени императора Константина Великого. URL: <http://www.centant.pu.ru/aristeads/monogr/rudokvas/rud010.htm> (дата обращения 19.04. 2014).

8 Ляпустина Е.В. Поздняя античность общество в изменении// Переходные эпохи в социальном измерении: М., 2002. С 40.

ред императором стала реальная проблема унификации законодательства и его упорядочивания в целом. Епископы, по мнению Константина, смогли бы решить проблемы взяточничества и расхищения казны. Константин руководствовался чисто практическими целями, хотя об идеологической стороне он тоже не забывал. Возможно, из-за этого многие исследователи не видят явных противоречий в отношениях государства и церкви, проявляя внимание только к идеологическому аспекту и отрицая роль правовой системы.

Римско-византийская правовая система, созданная на началах римской государственности и христианства, существовала еще очень долгое время. Интересна и та закономерность, которая получила развитие в истории права церковного. В союзе с государством церковь не слилась с ним и не стала одним из институтов государства. Учреждение Вселенских Соборов не только помогло церкви из гонимой превратиться в почитаемую. Появилась интересная тенденция: как только государство давало церкви, какие-либо полномочия в сфере гражданских правоотношений или власти, церковь тут же издавала закон, ограничивающий деятельность государства в отношении церкви. Видно было и то, что стремление государства полностью слить светское и церковное право было изначально провальным, так как церковь не была настроена на слияние. Более того, библейские идеалы власти и государственности говорили о другом построении отношений, основанных на симфонии власти.

В ответ государству, церковь образовала сначала церковное право, а после еще и внутрицерковное право. Образование внутрицерковного права было обусловлено, скорее, стремлением защитить основы христианского вероучения от государства. Внутри- и внешнецерковное права регулировали жизнь церкви. Первое закрепляло и защищало вероучение. Второе регулировало отношения с государством.

В византийском внешнем церковном праве была достаточно четко обозначена и закреплена идея симфонических отношений государства и церкви. Причем, это обстоятельство просматривалось во всей системе взаимных прав и обязанностей церкви и государства. Также следует отметить, что в 10 новелле императора Юстиниана⁹ четко закрепляется роль церкви как политической организации – священники должны были молиться за монарха и быть его идеологической опорой. Так или иначе, форма римской государственности, где царь является воплощением земной и небесной власти, не прижилась в Византии. Союз церкви и государства, где оба института взаимодействуют и не

9 Кашанина Т.В. Древнеримское частное право и современное российское гражданское право. М., 1999 г. С. 49.

сливаются, где право является высшей ценностью – эта модель обрела долгую жизнь.

Соединение проходило на уровне права – императорские законы и постановления церкви были приравнены и входили в один законодательный сборник. Попытка Юстиниана была вызвана желанием воплотить в жизнь принцип симфонии. Но и это не смогло слить воедино два эти института. Церковь, отгородившись системой церковного права, так и не позволило вмешиваться государству в самую суть христианства – вероучение. И таким образом, церковь обеспечила себе долгую жизнь в империи.

За все существование церкви, отношения ее с государством в Византии изменялись неоднократно, но основные ее принципы продолжали существовать. Основной принцип симфонии власти оказался настолько эффективен, что вкупе с элементами римской государственности представлял собой эффективную модель царствования, где авторитет светской власти был обеспечен религиозной властью в лице церкви. Церковь, в свою очередь, стала сильным феодалом, обрела механизмы подавления и преследования ересей. Церковь стала важнейшим социальным институтом и распространила власть на все население. Стала важнейшим элементом социальной и политической жизни в империи.

Римско-византийская правовая система, созданная на началах римской государственности и христианства, существовала еще очень долгое время. Интересна и та закономерность, которая получила развитие в истории права церковного. В союзе с государством церковь не слилась с ним и не стала одним из институтов государства. Учреждение Вселенских Соборов не только помогло церкви из гонимой превратится в почитаемую. Появилась интересная тенденция: как только государство давало церкви, какие-либо полномочия в сфере гражданских правоотношений или власти, церковь тут же издавала закон, ограничивающий деятельность государства в отношении церкви. Видно было и то, что стремление государства полностью слить светское и церковное право было изначально провальным, так как церковь не была настроена на слияние. Более того, библейские идеалы власти и государственности говорили о другом построении отношений, основанных на симфонии власти.

Таким образом, За все существование церкви, отношения ее с государством в Византии изменялись неоднократно, но основные ее принципы продолжали существовать. Основной принцип симфонии власти оказался настолько эффективен, что вкупе с элементами римской государственности представлял собой эффективную модель цар-

ствования, где авторитет светской власти был обеспечен религиозной властью в лице церкви.

Bibliography

1. Pukhta G.F. History of the Roman law. M, 1864.
2. Lashkarev P. About the attitude of ancient Christian church to the Roman state. Kiev, 1873.
3. Pavlov A.S. Course of ecclesiastical law. SPb.: Lan, 2002.
4. Zaozersky N. A. About the essence of ecclesiastical law. Sergiyev Posad, 1911.
5. Medvedev I.P. Some legal aspects of the Byzantine statehood//Political structures of era of feudalism in Western Europe the 6-17th centuries. L., 1990.
6. Bocharov V.V. Sources of the power//Anthropology of the power. Anthology of anthropology. SPb., 2006. V. 1.
7. Uspensky F.I. History of the Byzantine Empire. V. 1. M, 1996.
8. Belyanskaya L.V., Matushanskaya J.G. Social equality Idea in Hebrew Culture and its Neokantian Reception // Vestnik of Volgograd State University. 2010. №1.
9. Cohen H. Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums. Wiesbaden, 1978.
10. Rudokvas A.D. Sketches of religious policy of the Roman Empire of time of the Emperor Constantine the Great. URL: <http://www.centant.pu.ru/aristeas/monogr/rudokvas/rud010.htm> (19.04. 2014).
11. Lyapustina E.V. Late antiquity society in change//Transitional eras in social dispensation. M, 2002.
12. Kashanina T.V. Ancient Roman private law and modern Russian civil law. M, 1999.
13. Ryabova E.L. Interethnic conflicts: the question about the causes and ways to overcome // Etnosotium and international culture. 2012. №1 (43). – P. 10-15.
14. Ryabova E.L. The discussion on the strategy of international relations (editorial) // Etnosotium and international culture. 2012. №5 (47). – P. 7-8.
15. Ryabova E.L. Ethnic Relations and Culture of conflict interaction // Herald BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2012. №1 (13). – P. 63-68.
16. Ryabova E.L. Russian Economy: pair cosmopolitan and national problems // M.: International Publishing Center Etnosotium. № 1, 2014. (67). P. 9-11.
17. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotium. 2014. № 2 (68). P. 9-15.
18. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotium. 2014. № 3 (69). P. 9-15.
19. Anciferova I.V., Ermakov V.M. The Common and the Particular in the Mentality of Russian Voters in Terms of Cluster Analysis // Etnosotium and international culture. 2016. № 1 (91). P. 37- 42.
20. Ermakov V.M., Antsiferova I.V. The meaning of the concept “mentality”: substantive and structurally functional aspects // Etnosotium and international culture. 2016. № 4 (94). P. 46-47.
21. Beysenbin K.A., Letunovskiy P.V. Transformation of Interethnic Relations under the Conditions of Globalization // Etnosotium and international culture. 2016. № 5 (95). P. 47- 52.
22. Beysenbin K.A., Letunovskiy P.V. The Problems of Improvement of State National Policy in the Post-Soviet Russia // Etnosotium and international culture. 2016. № 5 (95). P. 9- 14.
23. Aminov I.R. Ethno-political conflicts in a multicultural environment: from the “Arab Spring” to North Atlantic migratory crisis // Bulletin of the Bashkir University. 2014 №2 (19). P. 666-670.
24. Biryukov S.V., Ryabova E.L. Bismarck: unlearned lessons of history? // Etnosotium and international culture. 2015. №6 (84). P. 124-126.
25. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The interconnections of international journalism and international analytics: Russian experience // Etnosotium and international culture. 2015. №8 (87). P. 154-161.
26. Biryukov S.V., Ryabova E.L. «Turkish Gambit» of Tayip Erdogan / Etnosotium and international culture. 2015. №9 (87). P. 94-99.
27. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics through the Prism of Historical Comparisons: the First Postwar Year and 70 Years Ago // Etnosotium and international culture. 2016. №4 (94). P. 9-16.
28. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9- 20.

Плешицер М.Я.

Аспирант кафедры общественных связей и медиаполитики
Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ

Деструктивный социальный феномен как комплексная социальная проблема

Среди многих социальных проблем в современном мире как в России, так и во всем мире есть ряд проблемных тем, которые не только могут быть объединены в комплексное рассмотрение, но и должны быть под пристальным изучением ученых и общественных деятелей как деструктивный социальный феномен. И среди данного многообразия особым пунктом необходимо выделять все те проблемы, которые касаются проблем детства, проблем, связанных с детьми.

Для решения этой глубокой социальной проблемы, имеющей зачастую **религиозные и культурные** корни, необходимо не только понимание самой сущности данного феномена, но и разработка эффективных механизмов своевременной помощи, как со стороны государства, так и со стороны общественных организаций.

Разнообразие деструктивного социального феномена в виде различных форм насилия в отношении детей и распространенность этого явления в обществе вызывает большие опасения по многим причинам.

В соответствии со ст. 19 Конвенции ООН по правам ребенка «дети имеют право на защиту от всех форм физического и психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление.¹», однако многообразие форм насилия, описанных в данном параграфе, а также тот факт, что по данным МВД, примерно две тысячи детей каждый год погибают от причиненного им насилия в семье, а по статистике около 1 млн. детей в России вынуждены проживать на улице, при том, что 90% беспризорных имеют родителей, к которым могли бы вернуться, однако не делают этого из-за сложной жизненной ситуации, говорит о том, что положения Конвенции ООН в России повсеместно нарушаются.

Домашнее насилие (насилие в семье) – это понятие, используемое в специальных дискуссиях, часто вызывающее множество споров и разночтений. Называя данный феномен «домашним», мы предполагаем, что речь идет о доме (жилище), где проживает или преимущественно

¹ Конвенция о правах ребенка принята 20 ноября 1989 г. резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН.

пребывает лицо, которое подвергается насилию, в целях обретения над ним власти, со стороны представителя(лей) близкого социального окружения потерпевшего. Необходимо отметить, что, говоря о домашнем насилии, мы подразумеваем, насилие не только в отношении детей, но и в отношении женщин, престарелых, не- либо ограниченно дееспособных членов семьи, однако в рамках данного исследования мы бы хотели обратиться к изучению именно детей, как объектов домашнего насилия.

Сегодня семейное насилие представляет собой многогранную, комплексную социальную проблему, которая имеет свойство передаваться из поколения в поколение. Последствия этой проблемы оказывают огромное воздействие не только на отдельных лиц, находящихся внутри цикла насилия, но и на все общество.

Домашнее насилие в отношении детей имеет ряд особенностей. Главная особенность домашнего насилия – повторяющиеся во времени инциденты, вне зависимости от их формы. Для определения различия между семейным конфликтом с участием ребенка от домашнего насилия в отношении ребенка, необходимо систематическое повторения актов агрессии, которые следуют друг за другом. Эти акты могут быть достаточно разорваны по времени, однако их повторяющийся характер свидетельствует о том, что мы имеем дело с домашним насилием в отношении ребенка. Нередко понятия «насилие» и «конфликт» смешивают, хотя они имеют принципиальные различия. По нашему мнению, они соотносятся как причина и следствие, то есть конфликт - это определенное состояние, а насилие – один из способов его разрешения. Сторонники концепции «ненасилия» формируют мнение, что на самом деле воля, ограниченная насильственными действиями, не редко старается ответить на насилие, а вот формы реагирования на него могут быть различным.

Еще одна существенная особенность домашнего насилия заключается в отсутствие зачастую причин для проявления агрессии. Говоря о конфликтах в семье, возникающих неминуемо как между взрослыми членами семьи, так и с участием детей, мы всегда имеем дело с определенной причиной – решение которой и является решением самого конфликта и основанием для прекращения какой-либо конфронтации между членами семьи.

Проводя классификацию домашнего насилия в отношении детей необходимо выделить несколько оснований. Автор исследования изучив многочисленные разработки по данному вопросу приходит к необходимости выделения трех оснований для классификации домашнего насилия:

- по форме;
- по цели;
- по средствам.

По форме автор выделяет следующие виды насильственных действий в отношении ребенка в семье:

- физическое насилие;
- сексуальное насилие;
- материальное насилие;
- психологическое и эмоциональное насилие;
- «вторичная виктимация»
- комплексное насилие.

Физическое насилие – это любое умышленное нанесение телесных повреждений или причинение боли ребенку по средствам ударов, пинков, тряски, удушения, толчков, ограничения в свободе, путем заключения в запертом помещении, ограничения в приеме воды и пищи, вовлечение в употребление наркотических, алкогольных и табачных изделий.

Материальное насилие – это умышленное игнорирование интересов и нужд ребёнка, отказ в предоставлении обеспечения необходимых потребностей детей в жилье, медицинской помощи, одежде, образовании и воспитании, в том числе, оставление ребенка без присмотра, в случае, если это создает угрозу для возникновения несчастных случаев. Важным критерием для определения факта насилия, в данном случае будет выступать именно умышленность совершения этих действий. Очевидно, что материальный статус семей в России крайне различен. То, что для одного ребенка является ежедневной потребностью, для другого, увы, является роскошью. Это вопрос социального неравенства, который в рамках данного исследования автор оставляет за пределами объекта изучения, однако его обязательно нужно учитывать при определении «необходимых» потребностей ребенка и мотивов родительских отказов в их удовлетворении. Если игнорирование реально жизненно-необходимых потребностей ребенка совершается родителями именно умышленно, с целью подавления воли ребенка, а не по причине трудной жизненной ситуации, не связанных с конфликтами и жестоким обращением в семье, на лицо – факт материального насилия. При этом в соответствии с Национальным стандартом Российской Федерации о социальном обслуживании населения (термины и определения): «под трудной жизненной ситуацией следует понимать ситуацию, объективно нарушающую жизнедеятельность гражданина, в том числе инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом или болезнью, безработицу, сиротство, одиночество, безнадзорность, малообеспеченность, конфликты и жестокое обращения в семье, нарушение законных прав и интересов, отсутствие определенного места жительства и т.д., которую он не может преодолеть самостоятельно.»² Следу-

2 «ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное

ет обратить отдельное внимание, что трудная жизненная ситуация это определенные жизненные обстоятельства, которые могут возникнуть в семье по множеству не только личных, но и социальных причин. Поэтому, определяя причины отказа родителей в удовлетворении потребностей ребенка необходимо исходить из того, что как правило, этот отказ не вызван злым умыслом и при наличии возможности, родители с большим желанием бы выполняли все свои обязанности по надлежащему его содержанию, однако в связи с социально-экономическими трудностями, неумением быстро приспособиться к неблагоприятным изменениям социальной действительности, разрушением существовавшей ранее системы социальной поддержки семьи и недостаточно быстрым формированием новой системы, экологическими катастрофами или политическими кризисами не могут это делать. В этом случае, очевидна необходимость не привлечения родителей к ответственности за ненадлежащее выполнение своих родительских обязанностей, а оказание им социальной помощи со стороны государства, институтов гражданского общества и общественных организаций.

Психологическое насилие – наиболее трудно описываемая форма насилия в связи с многообразием психологических типов как самих детей и их родителей, так и внутрисемейных моделей взаимоотношений, чаще всего выражаемая в оскорблениях, крике, психологической деморализации ребёнка, путем угроз, обвинений, предъявлений завышенных требований и унижений человеческого достоинства со стороны старших родственников. Схожей и всегда очень близкой к психологическому насилию формой является эмоциональное насилие, которое представляет собой демонстрацию ненависти, неприязни, отсутствия каких-либо добрых и нежных чувств по отношению к ребенку, отвержение или даже полное игнорирование.

Необходимо также отметить одну из распространенных и опосредованных форм насилия в отношении ребенка, когда ребенок становится свидетелем насилия, направленного не по отношению к нему, получая при этом не меньшую психологическую травму, чем сам объект насилия. По данным МВД РФ, 2/3 умышленных убийств и причинения тяжкого вреда здоровью обусловлены семейно-бытовыми мотивами. Ежегодно около 14 тысяч женщин погибают от рук мужей, и чаще всего их гибели предшествовало систематическое избиение³. Желание помочь, спасти, поддержать мать, подвергающуюся насилию и издевательствам со стороны отца, при осознании собственной слабости, беспомощности,

обслуживание населения. Термины и определения» (утв. Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 N 532-ст) (ред. от 17.10.2013) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Дети улиц Информационно-консультативный вестник. Выпуск № 2 М.:ИКАР, 2013, - С. 46

состояния страха, сочетание ненависти и любви по отношению, как к жертве, так и обидчику оказывают крайне тяжелые последствия в будущем. Психологическое состояние, которому подвергаются дети-свидетели домашнего насилия, называется «вторичной виктимацией».

Комплексное насилие – одна из наиболее распространенных форм, в результате которой агрессор использует различные формы насилия для достижения главного, итогового результата – подавления воли ребенка. В результате жертва испытывает различные формы насилия – физическое, психологическое, сексуальное и т.д., сменяющие друг друга или даже одновременно, что в конечном итоге, в результате многократности повторения приводит к затруднению социальной адаптации ребенка, деформации его сознания, проявлениям различных неврозов, вплоть до суицидов.

Следующим основанием для классификации насилия в отношении детей можно выделить насилие по цели, которую стремится достичь агрессор. Как следует из понятия семейного насилия – целью проявления агрессии, выступает обретение власти над объектом воздействия, однако, с точки зрения автора обретение власти также может иметь различные формы, к тому же родитель и так наделен определенной властью в отношении ребенка, поэтому мотивация для приобретения дополнительной власти требует отдельного изучения. По цели автор выделяет следующие виды насилия:

- насилие с воспитательной целью;
- насилие с целью воздействия на принимаемое решение;
- насилие с целью подавления сопротивления;
- насилие с целью формирования сознания;
- насилие с целью мести
- насилие с целью установления контроля над другими членами семьи.

Насилие с воспитательной целью. Зачастую крайне сложно провести грань между «воспитанием», которое является не только правом, но и обязанностью родителя в отношении ребенка и «насилием» с воспитательной целью. Воспитание как важный элемент социализации требует различных способов воздействия на ребенка, которое может и должно выражаться в некоторых ограничениях, разъяснениях и других способах воздействия на него, с целью объяснения ему его неправоты и приведения его к модели правомерного поведения. Чтобы разграничить «насилие» и «воспитание», в данном случае необходимо соизмерить степень вины ребенка и выбранную родителем меру наказания, с целью определения их соразмерности. Если каждая малейшая провинность становится поводом для проявления актов агрессии, мы можем сделать вывод, что в данном случае речь не идет о воспитании.

Часто родители и другие родные связывают свои жизненные неудачи с наличием ребенка, обязанностью воспитывать его, а иногда орудием для мести, причинения боли по отношению к другим членам семьи. В этом случае, сам ребенок и насилие по отношению к нему не имеют прямой причинно-следственной связи, а само насилие выступает способом разрядки, реакцией на своё собственное поведение обидчика или поведение по отношению к нему других людей, часто именуемое «срывами». В таком случае, мы можем говорить о насилии из мести, как о виде появления насилия в отношении ребенка. Согласно статистике, 30 % детей в России рождается в неполной семье, у матерей-одиночек. Воспитание ребенка в условиях неполной семьи сопряжено с рядом трудностей. При этом мать нередко винит ребенка в возникновении в её жизни тяжелой ситуации, что нередко становится основанием для срывов или даже насилия в отношении него⁴.

Манипуляция детьми также часто используется агрессором для установления власти над другим взрослым членом семьи, например, установлением отцом контроля над матерью. Мать, подвергающаяся домашнему насилию, в любом случае будет стараться любимыми способами защищать своё дитя, а страх за ребенка является серьезным основанием подчиниться требованиям агрессора. В этом случае, речь идет о физическом, сексуальном насилие над ребенком, использование детей как объектов шантажа или даже как заложников, принуждение детей к насилию над самой женщиной. Как показывают исследования, проводимые Национальным центром по предотвращению насилия «АННА»: «Чем более жестокие виды насилия применяются по отношению к жене, тем с большей жестокостью отец обращается с ребенком. Как демонстрирует исследование, проведенное в одном из американских убежищ для жертв домашнего насилия, 70 % детей, живущих в ситуации домашнего насилия, также были жертвами агрессивных действий со стороны отца и отчима. При этом примерно половина из них стали жертвами физического или сексуального насилия, а 5 % этих детей в результате подобных насильственных действий попали в больницу⁵.»

Последним основанием для классификации насилия в отношении детей выступают средства, которые использует обидчик по отношению к своей жертве. К средствам физического насилия будет относиться как непосредственно избивание, без применения дополнительных предметов, так и с применением различных орудий (любого вида оружия или предметов, используемых в качестве такового), причинение ожогов, попытка

4 Главней всего погода в доме. Аргументы недели №8(449) 5.03.15 С. 21

5 Хасина А. Женщины, домашнее насилие, стресс.//Насилие и социальные изменения. Под ред. Пискалова М., Синельникова А., Москва, 2000 г.

утопления. К средствам сексуального насилия будут относиться все способы, которые обидчик будет использовать для подавления сопротивления жертвы (удерживание, связывание, отравление различными веществами, умышленное введение в состояние алкогольного, наркотического опьянения). К средствам материального насилия будет относиться отказ в различных жизненных благах для ребенка, а средствами психического и эмоционального насилия могут выступать, как крики, нецензурная брань и другие оскорбления, так и полное игнорирование ребёнка.

В связи со всем вышеизложенным автор приходит к выводу, что проблема деструктивного социального феномена в виде различных форм насилия в отношении детей и распространенность этого явления в обществе имеет большую опасность для всего общества, а существующая система государственного реагирования на проблемы детей, страдающих от насилия не эффективна ни в контексте профилактики данного феномена, ни в вопросах социализации и реабилитации детей, насилие в отношении которых уже было совершено.

И для решения этих социальных проблем, имеющей подчас **религиозные и культурные** корни, необходимо не только научные исследования данной тематики по изучению сущности данного феномена, но и внедрение эффективных механизмов своевременной помощи, как со стороны государства, так и со стороны общественных организаций.

Bibliography

1. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotsium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9- 20.
2. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia: Monograph. – М.: Etnosotsium, 2016. 266 p.
3. Ryabova E.L. (Review) Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia In XXI century: a national response to the national question. М.: Etnosotsium, 2015. // Etnosotsium and international culture. 2015. №10 (88). – P. 175-179.
4. Ryabova E.L. Interethnic conflicts: the question about the causes and ways to overcome // Etnosotsium and international culture. 2012. №1 (43). – P. 10-15.
5. Ryabova E.L. The discussion on the strategy of international relations (editorial) // Etnosotsium and international culture. 2012. №5 (47). – P. 7-8.
6. Ryabova E.L. Ethnic Relations and Culture of conflict interaction // Herald BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2012. №1 (13). – P. 63-68.
7. Dzutsev K.V. Ethnosociological portrait of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation. М. ROSSPEN 2012.
8. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 2. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
9. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 3. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
10. Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia in the XXI century: a national response to the national question: Monograph. - М.: International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2009.
11. Ryabova E.L., Boltchenkova L.F. Basics of public administration in Russia in their historical

- development. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium" Moscow. 2015.
12. Bormotova T.M., Ryabova E.L., Shikula I.R., Radchenko A.F., Suzdaleva T.R. Migration management of modern Russia: political forecasting / Collective monograph / Edited by E.L. Ryabova, T.M. Bormotova. International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015. 90 p.
 13. Biryukov S.V., Ryabova E.L. Eurasian Integration: the Republic of Kazakhstan as an example of state-building and participation in the integration processes. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
 14. Ternovaya L.O., Bagaeva A.V. Legal basis for European integration. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
 15. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 4. / International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2016.
 16. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 5. / International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2016.
 17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics through the Prism of Historical Comparisons: the First Postwar Year and 70 Years Ago // Etnosotsium and international culture. 2016. №4 (94). P. 9-16.
 18. Biryukov S.V., Ryabova E.L. «Turkish Gambit» of Tayip Erdogan // Etnosotsium and international culture. 2015. №9 (87). p. 94-99.
 19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The interconnections of international journalism and international analytics: Russian experience // Etnosotsium and international culture. 2015. №8 (87). P. 154-161.
 20. Biryukov S.V., Ryabova E.L. Bismarck: unlearned lessons of history? // Etnosotsium and international culture. 2015. №6 (84). P. 124-126.
 21. Aminov I.R. The state national policy as a way to maintain the ethno-political stability in modern Russia. // State of Law: Theory and Practice. 2014 № 4 (38), P. 26-28.
 22. Aminov I.R. Ethno-political conflicts in a multicultural environment: from the "Arab Spring" to North Atlantic migratory crisis // Bulletin of the Bashkir University. 2014- №2 (19), P. 666-670.
 23. Beysenbin K.A., Letunovskiy P.V. The Problems of Improvement of State National Policy in the Post-Soviet Russia // Etnosotsium and international culture. 2016. № 5 (95). P. 9-14.
 24. Beysenbin K.A., Letunovskiy P.V. Transformation of Interethnic Relations under the Conditions of Globalization // Etnosotsium and international culture. 2016. № 5 (95). P. 47-52.
 25. Ermakov V.M., Antsiferova I.V. The meaning of the concept "mentality": substantive and structurally functional aspects // Etnosotsium and international culture. 2016. № 4 (94). P. 46-47.
 26. Anciferova I.V., Ermakov V.M. The Common and the Particular in the Mentality of Russian Voters in Terms of Cluster Analysis // Etnosotsium and international culture. 2016. № 1 (91). P. 37-42.
 27. Markaryan V.R., Smirnova M.I. Ethnicity and ethnic identity in modern science // Etnosotsium and international culture. 2016. № 4 (82). P. 81-87.
 28. Ryabova E.L. Russian Economy: pair cosmopolitan and national problems // M.: International Publishing Center Etnosotsium. № 1. 2014. (67). P. 9-11.
 29. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 2 (68). P. 9-15.
 30. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 3 (69). P. 9-15.
 31. Ryabova E.L. A holistic approach to science and its prospects // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 4 (70). P. 187-189.
 32. Ryabova E.L. Culture of conflict interaction as the factor of political stability: Monograph. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2009.
 33. Pusko V.S. Russian society and its ideology // Etnosotsium and international culture. 2015. № 4 (82). P. 15-20.
 34. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // "Interchurch Mission" 2016. №14. P. 6-13.
 35. Kostukov A.L. Peculiarities of Russian educational services export // Almanac Cossacks. 2016. № 20. P. 51-65.
 36. Bredihin A.V. Donetsk-Makeevka agglomeration: the development of cross-border cooperation // Almanac Cossacks. 2016. № 19. P. 12-17.
 37. Kurbonzoda Honali Methodological aspects of historical and cultural studies of social transformation (example of the Republic of Tajikistan) // Almanac Cossacks. 2016. № 19 P. 57-67.

Афанасьев С.Г.

*Кандидат философских наук, докторант МГУ им. Ломоносова,
Факультет философии кафедры эстетики, Председатель Совета Международного
Союза общественных объединений «Перспективный мир» (программы ООН и ЮНЕСКО)*

**Натуралистически-биологизаторская тенденция
и абсолютизация бессознательного в западных
эмпатических теориях художественного творчества**

В начале 21 века подобные, казалось бы локальные тенденции специализированных наук, являются основными для понимания таких фундаментальных понятий, как Внешняя и Внутренняя Вселенная человека. Осознание таких положений могут быть положены в, так называемую “универсальную матрицу Закона Всего”. Поэтому очень важно проследить динамику научной мысли подобной тенденции от “самых истоков”.

Эта тенденция совершенно отчетливо просматривается в известной книге Рагга “Воображение” [6]. И это вполне объяснимо. Изолировав субъект художественного творчества, художественного воображения от “цензуры”, гнета культуры, общества - от того, что он назвал “внешней” цензурой, Рагг ищет источник творчества внутри запредельного “духа”. Художественное открытие, утверждает Рагг, детерминируется только изнутри. В художественном творчестве есть логика, но она особая.

Во-первых, она невербальная, во-вторых, критерии этой логики не вне субъекта, а в нем самом, в степени объективации, того, что видит, чувствует художник и т.д. Что касается художественного воплощения (выражения), то оно в очень небольшой степени зависит от внешне установленных условий.

Но что же остается в субъекте творчества, если его “освободить” от культуры и общества? Остаются природные влечения, желания бессознательного. Но Рагг, выступая против психоанализа, “освобождает” запредельный “дух” и от “цензуры” бессознательного. Одновременно он против признания какой-то особой, мистически духовной сущности творческого субъекта. К чему же ученый, в конце концов, приходит?

Возможность и необходимость творческого воображения и эмпатии как интуитивного, внутреннего способа познания через идентификацию субъекта с объектом Рагг пытается вывести из универсального природного формообразующего процесса - от природных до социальных.

Ключом к энергии такого процесса у человека и у животного является система напряжений в организме, которая “проявляется уже в раздражимости протоплазмы”.

Обосновывая свою концепцию формативного процесса, Рагг прямо ссылается на Кассирера, на его учение о символической трансформации опыта, и на последовательницу Кассирера - С. Лангер. И конечно, интересно кратко рассмотреть это учение.

Учение о символической трансформации опыта, в частности, в сфере искусства, не носит у Кассирера натуралистический характер и развивается в русле неокантианства. Черты натурализма оно получает в работах Лангер. Вслед за Кассирером она полагает, что вся человеческая деятельность, в сущности, носит символический характер. Но в объяснении “символической трансформации” опыта Лангер, в отличие от Кассирера, прибегает к данным генетической психологии. Эти данные, считает она, позволяют объяснить происхождение, генезис символической трансформации. В работе “Философия в новом ключе”¹ американский эстетик пишет, что “символическая трансформация опыта” зарождается в мозгу. У человека имеется биологическая потребность выразить эту трансформацию во внешнем действии. Речь, искусство, ритуал объясняются Лангер как активное окончание символической трансформации, обусловленной потребностями коры головного мозга. Символическая трансформация опыта осуществляется искусством также “естественно”, как пение птиц.

Натуралистическая сущность подобного объяснения формообразующего процесса творчества вполне очевидна.

Редукционизм подобного метода истолкования воображения, творчества уже получил соответствующую оценку в отечественной литературе.

Например, И.М. Розет пишет, что в такого рода концепциях фантазия (а надо добавить, и эмпатии) последняя “выводится из некой универсальной, всеохватывающей силы, управляющей биологическими, психическими и историческими процессами” [9].

Такой подход характерен не только для идеалистически настроенных философов и психологов, но и для таких, кто пытается дать естественнонаучное объяснение процессам воображения. Среди таких исследователей на Западе, наряду с такими известными именами, как Прадин, Сегон, Синнот, справедливо упоминается, и имя Рагга.

Редукционизм подобного рода порождился, в частности, верой в неограниченные возможности распространения космического порядка на движения человеческой души. Указанная тенденция прослеживается в психологии “вплоть до современной когнитивной психологии”, так это

убедительно показано в работе Б.М. Величковского “Современная когнитивная психология”[10].

И все же редукционизм, в основе которого лежат механистические представления, настолько “брутален” при объяснении высших психических функций и “душевной” деятельности личности, в особенности, в таких областях, как искусство, что его, как правило, провести последовательно никто не решается. Отсюда позиция психофизического параллелизма разного толка: как в позитивистском, так и в феноменологическом обличии.

Эклектизм дуалистической позиции “параллелизма” хорошо “просматривается” на примере объяснения источника творческой энергии воображения и эмпатии в искусстве. Рагт [6] в этом отношении дает яркий пример позитивистской интерпретации в духе внешнего взаимодействия человека и его среды, а Лангер - с позиций феноменологического “изоморфизма”.

Так, С. Лангер [5] вводит понятие “виртуальное”, под которым она понимает “идеальность” художественной реальности, трактуемой в духе феноменологизма как особого рода “сущности”. Отступая от “натуралистического” объяснения творческого процесса в искусстве, С. Лангер, хотя и признает “изоморфность между актуальными органическими напряжениями и виртуальными напряжениями”, но не объясняет их, ибо с позиций феноменологии перекинуть “мост” от материального, физического и психического к идеальному не представляется возможным. Тем не менее, она считает, что напряжения органического характера не специфичны для высокого искусства. Истинным источником напряжений в художественном творчестве, по ее мнению, являются виртуальные, идеальные напряжения.

Если бы американский эстетик под “виртуальными” напряжениями понимала научно-интерпретированную с позиций материализма, диалектики и историзма, аксиологическую природу напряжений художественного сознания как специфического источника художественного воображения, она приблизилась бы к верному пониманию изучаемых процессов. Но она остается в рамках феноменологизма.

При этом С. Лангер ограничивает действие эмпатии, вчувствования лишь областью органических напряжений и не распространяет ее на область виртуальных напряжений - сферу истинного искусства. Эмпатия оказывается отнесенной к числу “тривиальных” процессов, и тем самым, не связанных необходимым образом с сущностью творческого процесса в искусстве.

Если Рагт констатирует важную роль эмпатии для художественного воображения, но сводит ее к моторному компоненту (что вполне согла-

суется с его натуралистическим объяснением формативного процесса в творчестве, но закрывает путь к пониманию роли эмпатии в актах познания и творчества высоких духовных ценностей искусства), то Лангер (также ограничивая эмпатию сферой “чувственного”) отступает от натуралистического объяснения формативного процесса в искусстве и трактует искусство как сферу высших духовных (“виртуальных”) сущностей. И в результате, эмпатия не принимается всерьез при истолковании процессов художественного творчества.

Таким образом, ни с позиций “последовательного” натурализма, ни с электических позиций, совмещающих натурализм и феноменологию, не удастся дать научного объяснения процессам эмпатии в искусстве, в художественном творчестве.

Тенденция биологизации художественного творчества, эмпатических процессов отчетливо видна и в психологии творчества А. Кестлера [3]. В эмпирический базис его эмпатической теории входит феномен естественного раздвоения “Я” в акте художественного творчества. Как же трактует этот феномен Кестлер? Он возводит его в ранг “феномена шизофизиологии”, которая, якобы изначально, биологически “встроенна” в природу человека.

Налицо, во-первых, биологизация эмпатии, во-вторых, сближение, и даже отождествление, ее с патологическим “расщеплением” личности.

А. Кестлер – “воинствующий” сторонник “биологического детерминизма” в теории творчества, воображения и эмпатии. С этих позиций он критикует те концепции, где, по его мнению, недооценивается роль эмоций и переоценивается влияние внешней, “искусственной среды”, создаваемой самим человеком, на самого человека, на его творческие акции.

Констатируя, что анализ творчества ставит нас перед проблемами психологии творчества, воображения, эмпатии и т.д., а также перед проблемой важности погружения в “биологические истоки психологии творчества”, Кестлер отрицает определяющее влияние социальных факторов. Он отводит им роль только “спусковых крючков”.

Для многих западных теорий художественного творчества весьма характерным является абсолютизация бессознательного и недооценка в нем роли сознания. Особенно характерна такая позиция для психоаналитических концепций. Однако Рагг не согласен с такой абсолютизацией и утверждает, что высшее проявление интуиции или озарения в художественном творчестве совершается у критического порога континуума “сознание – подсознание”, в том пограничном состоянии, отделяющем сознание от бессознательного, которое в истории философии и психологии называлось по-разному: “предсознание” (Шел-

линг), “край” сознания (Джеймс), “пре-логика” (Таубер и Грин) и др.

Согласно Раггу, этот пограничное состояние находится где мы знаем до того, как мы знаем и что мы знаем. Это не бессознательное состояние, это сознание, но имеющее доступ к неосознаваемому. Оно релаксационно, свободно от напряжения, но восприимчиво к сообщениям, обладает “магнетической”, динамически формирующей способностью; напоминает гипноз, хотя и не является гипнотическим состоянием, в которое вводят и контролируют извне, это скорее гипноидальное состояние, напоминающее состояние между бодрствованием и сном и между сном и пробуждением.

По его убеждению, “в норме” господствует сознание и пре-сознание. Когда бессознательное подчиняет себе сознание и пре-сознание - это болезнь. Система пре-сознания существенна для всякой творческой деятельности и, разумеется, для художественного творчества. Без свободного течения этого процесса нет истинного творчества, нет эмпатии в искусстве. Но неверно, полагает Рагг, локализовать творчество только в области пре-сознания. В творчестве участвует весь континуум “сознание - подсознание”. Обширные области, например, в деятельности художественного воображения (и значит - эмпатии) осуществляются на уровне сознания.

Выясняя способы, благоприятствующие наступлению творческого состояния, освобождающего художественное воображение от цензуры бессознательных желаний и стереотипов рационального сознания, по мысли ученого, важно обратить внимание на суггестию, на концентрацию внимания и на полное “принятие” суггестии. Для этого нужен не гипноз, не глубокий транс, а творчески “сновидное”, гипноидальное состояние. Момент суггестии и аутосуггестии, концентрации «на одной точке», то есть состояние, близкое к трансу, не означает тождество художественно-творческого акта и транса (гипноза и т.п.). Сам по себе транс не является творческим. В нем субъект пассивен, а в творчестве - активен. Существенным для художественного творчества является концентрация внимания на “цели”.

Огромное значение в акте озарения Рагг отводит эмпатии, идеомоторному акту, ведущему к идентификации с объектом. И хотя механизмы идентификации, по Раггу, не осознаются художником в самом акте, из сказанного выше следует, что эмпатия может служить позитивной продуктивной силой, компонентом творчества лишь при условии глубокой детерминированностью сознательной целью.

Свою концепцию творчества, воображения, эмпатии, отмеченную тенденцией подчеркнуть роль сознания, Рагг развивает в процессе критики некоторых психоаналитических теорий, среди которых цен-

тральное место занимают труды известного психоаналитика Л. Кубье, который приписывает творческую способность “только пре-сознанию” и полностью исключает сознательную деятельность воображения. Рагг не согласен с тем, что подсознание - не настолько ригидно, что делает творчество невозможным. Утверждать подобное, значит отрицать доказанное опытом значение сновидений и других подсознательных состояний для творчества.

Опыт действительно подтверждает возражение Рагга, но нельзя не заметить, что при этом ученый вступает в известное противоречие с самим собой, со своим категорическим тезисом о том, что условием творчества запредельного “духа” является свобода от цензуры подсознания. Очевидно, требуется более дифференцированный подход к оценке творческой значимости неосознаваемых компонентов: в одних случаях они мешают, в других - способствуют творческому процессу.

Так, принижение роли сознания приводит исследователей художественного творчества, например Е.Р. Хилгарда, Л. С. Кубье [4] и других к тому, что и при объяснении процессов идентификации они также анализируют их лишь на уровне подсознания.

Это вызывает несогласие у ряда психологов, того же Рагга, который далеко не одинок в своей критике психоанализа, особенно в его ранних формах.

Вообще, как отмечено в отечественной литературе, современные психоаналитические теории творчества и эмпатии (идентификации) отличаются от ортодоксального фрейдизма. И все же есть основания утверждать, что характерной и распространенной особенностью эмпатических теорий художественного творчества, обязанной психоанализу, является принижение или даже отрицание конструктивной продуктивной роли сознания в этих процессах и, что естественно связано с этим, сближение эмпатии с феноменами, которые изучает психиатрия и психопатология. Для подтверждения сказанного, необходимо кратко рассмотреть некоторые эмпатические концепции художественного творчества в психоаналитической психологии.

Достаточно обстоятельный обзор ранних работ психоанализа по проблеме эмпатии (идентификации) в искусстве в отечественной литературе мы находим в работе Когана Я.М. “Отождествление и его роль в художественном творчестве” [8]. Эта книга вышла в серии: “Вопросы теории и практики психоанализа”.

Автор пишет, что идентификация, или отождествление - это один из наиболее часто встречающихся механизмов душевной деятельности. Она включает в себя проекцию и интроекцию. Анализ работ З. Фрейда (“Психология масс и анализ человеческого “Я”, “Я и Оно” и

др.), Е. Шнейдер, О. Феникеля, С. Ференци убеждает в том, что идентификация в художественном творчестве рассматривается Фрейдом и его последователями по преимуществу как бессознательный процесс изживания подавленных влечений.

К такому же выводу приходит М.Н. Афасижев в отношении истолкований фрейдизмом фантазии в искусстве в своей книге “Фрейдизм и буржуазное искусство” [7]. Кроме того, автор обращает внимание на сближение и зачастую отождествление процессов художественной фантазии и воображения невротиков в работах психоаналитиков.

Далее, обратимся к другим концепциям эмпатии (идентификации) в искусстве, развиваемым в русле психоанализа. Одна из них представлена в книге А. Еренцвайга [1] “Скрытый порядок искусства. (Исследование по психологии художественного воображения)”. В центре книги - анализ психологии художника и художественного творчества. Автор с самого начала заявляет свое “кредо”: подсознание играет главную роль в художественном творчестве. Ссылаясь на труды психоаналитиков (Д.У. Винникотта, М. Милнера и др.), Еренцвайг обращает внимание на значение способности индивидов временно «разрывать» связи между “Я” и “не-Я”, чтобы лучше, привычнее себя чувствовать в мире реальности, где объекты и “Я” отчетливо обособлены друг от друга. Напротив, для художественного творчества характерен особый опыт слияния “Я” и “не-Я”. Фрейд видел в таком слиянии базу религиозного опыта, но, по Еренцвайгу, оно присуще всякому творчеству.

Почему это чувство идентификации называется “океаническим”? Потому, что переживается чувство мистического единства с Вселенной. В этом чувстве индивидуальное существование теряется, подобно капле в океане. Человек, якобы вновь, переживает чувство ребенка, когда его еще “не оторвали” от матери. В отличие от Фрейда, современные психоаналитики полагают, что такое переживание свойственно не только религиозному, но любому творческому опыту, в том числе и художественному. В отличие от ортодоксального фрейдизма в работе утверждается, что подобное переживание вовсе не обязательно сопровождается “регрессией” в инфантильное состояние. Оно может характеризовать творческое “эго”, отличающееся крайней недифференцированностью на своих низших уровнях.

Недифференцированность, “слитность” “Я” и “не-Я” устраняет многие границы и различия. Крайний предел - устранение границ индивидуального существования, что и вызывает мистическое океаническое чувство, носящее отчетливо маниакальный характер. Это чувство “глубоко подсознательно”, в сознании же ему соответствует другое психиче-

ское явление - чувство маниакального экстаза.

Сближая процессы художественного творчества с психологическими феноменами, Еренцвайг выделяет три фазы творчества, связанные с процессами эмпатии (идентификации): шизоидная, маниакальная и депрессивная.

На первой стадии происходит проекция фрагментарных частей “Я” в создаваемое произведение, на второй - подсознательная интеграция (идентификация, слияние) формирующихся субструктур “Я”, на третьей - вновь возвращение (ре-интроекция) в “Я”, но на более высоком уровне. Для первых стадий характерно параноически-шизоидное беспокойство, для депрессивной - переживание несовершенства и пр. В соответствии с идеями известного психоаналитика М. Клайна, “дуальный” ритм проекции-интроекции истолковывается как чередование параноически-шизоидных и депрессивных позиций. На второй стадии происходит океаническое маниакальное слияние с предметом, когда все различия исчезают между внутренним и внешним, между “Я” и “сверх-Я”, когда все элементы кажутся приведенными в порядок. После окончания второй стадии изучают результат как нечто чужое, подобно тому, как вспоминают и распознают смысл сна. Отношение художника к создаваемому произведению на третьей стадии подобно хорошим отношениям между личностями.

Итак, на первой стадии подсознательная проекция ощущается художником как нечто фрагментарное, случайное, чуждое и преследующее. На второй стадии произведение искусства выступает как воспринимающее “чрево”, оно интегрирует фрагменты в связанное целое, создавая подсознательные субструктуры или матрицы. На третьей стадии художник может интроецировать свое произведение на близлежащий уровень сознания, более высокий. Происходит обогащение своего поверхностного “эго”. Начинается вторичный процесс “ревизии” созданных до этого подсознательных комплексов произведения искусства. Они становятся частью сознательной суперструктуры. Происходит полный взаимный обмен сознания и подсознания. Сходство третьей стадии с хорошими личными отношениями говорит о том, что последние также содержат элемент творчества.

В анализируемой работе налицо типичная для психоаналитиков интерпретация фантазии и эмпатии как феноменов подсознания, имеющих общую психологическую природу с душевными болезнями (шизофрения, депрессия и пр.). Автор прямо пишет, что он считает несомненным наличие подсознательного характера фантазии.

Одновременно с этим, очевидны отступления от традиционных фрейдистских догм, критика некоторых положений Фрейда и его по-

следователей. Подтверждаются выводы психологов, специалистов по проблеме бессознательного, о том, что новейшее развитие психоанализа “повлекло за собой определенные, порой даже далеко идущие сдвиги в понимании им проблемы бессознательного. Эти новые подходы представляют в ряде отношений неоспоримый интерес”.

А. Еренцвайг примыкает к неофрейдистам, которые подвергают ревизии традиционное психоаналитическое понятие первичных процессов как архаических, целиком иррациональных функций глубокого подсознания. Так М. Милнер в работе “Психоанализ и искусство”, специально отметил, что такая ревизия частично обязана необходимостью объяснить факты искусства.

Эти факты (по Еренцвайгу) убеждают в том, что нельзя фокусировать уровни подсознания на “узкой” полосе инфантильности. Например, в творчестве австрийского композитора Шёнберга он видит мало черт примитивного и инфантильного. Подсознательное “сканирование” требует активности рациональных форм мышления, что никак не коррелирует с каким-либо примитивным сознанием ребенка. Не продуктивно и бесполезно описывать творчество как “регрессию” к пре-существующим инфантильным или примитивным восприятиям и понятиям. Лучше характеризовать и анализировать его как участие совершенно новых матриц: таких структур, которые должны быть приспособлены точно к решению данной художественной задачи. То, что находят готовыми на низшем уровне функций «эго», представляют собой структуры, способные абсорбировать новые сериальные структуры.

Классическая психоаналитическая эго-психология рассматривает подсознание просто как инертный, неизменный пережиток более ранних, примитивных форм духа. Но теперь стало ясно, что подсознательная фантазия растет, развивается в ходе взрослой жизни. Что касается творчества, оно, по убеждению Еренцвайга, вкладывает новую контролируемую стимуляцию в чрезвычайно гибкую подсознательную фантазию.

Еренцвайг критикует некоторые положения известного психоаналитика Е. Криса и его последователя А. Кестлера. Е. Крис и другие представители эго-психолога сводят “контролируемую” регрессию поверхностных способностей к первичным процессам. Например, такова точка зрения А. Кестлера. Но Крис и Кестлер опускают важный момент. Творчество по Еренцвайгу - не просто контролируемая регрессия к первичным процессам глубокого подсознания, но и работа самих первичных процессов. Это приводит к тому, что описательный, дискриптивный эффект превращается в конструктивный и высоко эффективный инструмент для производства новых связей и формирования новых,

более обширных, понятий и образов. Матрицы сознания и подсознания не просто связаны. “Поверхностная” мысль целиком погружена в матрицу первичных процессов. Творчество обслуживает как иррациональные источники фантазии (“ид”), так и потребности рациональной объективной задачи. “Творчество выражает обе тенденции в единой структуре”, - заключает Ернцвайг.

Взгляды Ернцвайга свидетельствуют о том, что многие современные психоаналитически ориентированные психологи искусства стремятся уйти от односторонностей «глубинной» психологии Фрейда и его ранних последователей.

И хотя остается неизменным основной тезис о том, что художественная фантазия и эмпатия (океаническое переживание) относятся к сфере подсознания целиком, но само подсознание при этом представлено не только своими примитивными и инфантильными уровнями, но и теми, которые преобразованы под воздействием сознания. Роль сознания, в основном, сводится к “ревизии”, “контролю”, “редактированию”.

Полемизируя с Кестлером по некоторым аспектам психоаналитического истолкования “океанического ощущения”, то есть эмпатии, Ернцвайг разделяет его позиции в отношении подсознания. И вслед за Фрейдом Кестлер характеризует идентификацию как “симбиотическое единство”, слияние, отождествление человека и природы, которое он переживает еще до дня своего рождения, но потом сохраняет о нем память на всю жизнь. Именно эти матрицы “симбиотического сознания”, отражающие “первичные связи опыта”, он и называет “океаническим ощущением”, цитируя при этом Фрейда, который писал о том, что этим чувством человек “охватывает вселенную” и выражает неразрывную связь “эго” с внешним миром. По его мнению, это есть то самое океаническое чувство, которое мистики и художники пытаются воспроизвести на более высоком уровне развития. К проявлениям этого “океанического ощущения”, связанного с отождествлением “Я” и “не-Я”, субъекта и объекта, воображаемого и реального он и относит феномен эмпатии в искусстве. Прогресс в искусстве он связывает с эволюцией эмпатического (“симбиотического”) сознания - от исторически более ранних, или инфантильных форм, к волевой “самотрансценденции”, наблюдаемой как в актах художественного, так и иных видов творчества. Эмпатия предстает в этих актах не как исторически конкретный и социокультурно обусловленный механизм творчества, а как сублимация органической тенденции к “сопричастности”. Более того, полагает Кестлер, по мере социальной зрелости, эта тенденция к “сопричастности” убывает, но не исчезает полностью, благодаря

постоянно сохраняющемуся “несоциальному в творце” - в низших, “невербализованных” уровнях мозга. Чем дальше они от сознания, тем слабее границы между “Я” и “не-Я”, и тем больше возможностей открывается для творчества. Художественное творчество постоянно питается желанием художников “освежить” свое подсознательное иррациональное чувство единства с великим универсумом посредством установления связи между тем или иным личным переживанием и “универсальным” порядком.

Кестлер приходит к выводу, что искусство - это школа самотрансценденции, школа выхода за границы социального опыта и сознания в сферу бессознательного [2]. Кестлер правильно воспроизводит многие черты эмпирического базиса “океанического ощущения”, понимаемого как чувство сопричастности художника к миру, природе, объекту творчества.

Однако, даже на уровне самонаблюдений, зафиксирован момент осознания, объективизации как специфический для творчества, а не мистического саморастворения в объекте. Тем более, при истолковании этого феномена научный подход требует учета диалектики подсознательного и сознательного, природного, биологического и социального при ведущей роли бессознательного.

Кестлер полагает, что сознание играет подчиненную роль в решающий момент творчества. Господствует подсознание, иррациональное.

Именно эти положения легли в фундамент новых наук, таких как просфатология, социогенетика, меллонология, которые как считает современная наука, помогут узнать больше о человеке и Вселенной (внутри и вне человека) и, таким образом, снивилировать кризисы современной Цивилизации.

Bibliography

1. Ehrenzweig F. The Hidden Order of Art // A Study in the Psychology of Artistic Imagination. - Lnd., 1968.
2. Koestler A.H. The Novelist deals with Character // Saturday Review of Literature. 1949, 1 Jun.
3. Koestler A.N. The Ghost in the Machine. - Lnd., 1963.
4. Hilgard E.R., Kubie L.S. Pumpian-Mindlin E. Psychoanalysis as Science. - N.Y., 1956.
5. Langer S.K. Philosophy in a New Key. - Cambr., 1942.
6. Rugg H. Imagination. - N.Y., 1963.
7. Afasizhev M.N. Freudianism and bourgeois art. - Moscow, 1971.
8. Kogan Y.M. The identification and its role in art. - Odessa 1926.
9. Rozet I.M. Fantasy Psychology. - Minsk. 1977.
10. Velichkovsky B.M. Modern cognitive psychology. - Moscow, 1982.

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

**ОБЪЯВЛЯЕМ
КОНКУРС**

на лучшую научную, публицистическую работу:
конфессии и туризм
ПАЛОМНИЧЕСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЙ ТУРИЗМ

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

С целью выявления идей и обобщения паломнической практики, апробации предложений по становлению новых видов туризма. Международный издательский центр «Этносоциум» и журнал «Миссия конфессий» проводят конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления, мемуары, эссе и пр.).

Цель публикации - совершенствование межконфессиональных отношений, поиск механизмов развития экономики, создание дополнительных направлений туризма.

Лучшие работы будут опубликованы:
в журналах и коллективных монографиях,
тематических сборниках и пр.
(РИНЦ, МИНЦ, ВАК)

Лауреаты конкурса получают вознаграждение, с предоставлением возможности перспективного трудоустройства, направление для участия в международных мероприятиях в России и за рубежом.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ на сайте **www.etosocium.ru**

Справки по тел: +7 (495) 708 3000

Работы направлять в редакцию в электронном виде по адресу:

Izdanie-k@list.ru, etosocium@mail.ru

Бейсенбин К.А.

Кандидат политических наук, доцент кафедры
«Государственное и муниципальное управление» Смоленского филиала
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

**Проблемы межконфессионального
сотрудничества в условиях современной России**

Распад СССР и отказ от социалистической идеологии ознаменовали собой начало новой эпохи расцвета религиозной жизни в Российской Федерации. Конституционное провозглашение западных принципов демократии стало причиной коренного изменения вектора духовной жизни российского общества. Несмотря на оптимистичные прогнозы проводников демократических реформ, следствием утверждения в обществе принципа идеологического плюрализма становится нравственный плюрализм и широкое распространение альтернативных идеологических учений, которые не имеют гуманистических оснований. В свою очередь, следствием провозглашения идеологического многообразия становится резкое обострение противоречий между сторонниками различных духовных учений. При этом, многие из существующих противоречий имеют непримиримый характер и часто приводят к возникновению конфликтных ситуаций.

В результате демократических преобразований, доминирующее положение в духовной жизни российского общества занимают религиозные учения. В настоящее время, деятельность религиозных конфессий в Российской Федерации имеет всеобъемлющий характер и, вопреки конституционному положению о светском характере государства, распространяется фактически на все сферы общественной жизни. Так, положения религиозных учений находят свое место в обязательной части образовательной программы для школьников.¹ Несмотря на обеспокоенность прогрессивного научного сообщества клерикализацией российского общества, выраженную в открытом письме Президенту России В. В. Путину, теология становится научной дисциплиной.² В своем пись-

1 Мария Агранович. Взяли на веру // Российская газета – Федеральный выпуск № 5734 (61) от 21.03.2012 (00:20) // URL: <https://rg.ru/2012/03/20/religiya-site.html> (дата обращения 20.10. 2016).

2 Елена Новоселова. По специальности «теология» будут защищать диссертации // Российская газета – Столичный выпуск № 6927 (59) от 21.03.2016 (23:20) // URL: <https://rg.ru/2016/03/21/po-specialnosti-teologiya-budut-zashchishchat-dissertacii.html> (дата обращения 20.10. 2016).

ме академики РАН, не подвергая сомнению целесообразность уважения чувства верующих, пишут о том, что вера в Бога – это проблема каждого отдельного человека, его совести и убеждений, а также о попытках Русской Православной Церкви дискредитировать научное знание и вытеснить из системы образования «материалистическое видение мира» и т. д.³

В контексте реабилитации деятельности религиозных конфессий в постсоветской России и их полной поддержки со стороны государства, обращает на себя внимание парадокс нравственной деградации общества, который не только принимает угрожающие масштабы, но и приобретает устойчивые характеристики. Российские ученые, не без оснований, уже давно бьют тревогу в связи с широким распространением феномена «испарения морали», понятие которого сформулировал известный английский социолог Энтони Гидденс. Как сообщает известный российский психолог А. В. Юревич, в нашей стране растет число несовершеннолетних заключенных. При этом, в СССР даже в 1930-х годах несовершеннолетних заключенных было в три раза меньше. Согласно исследованиям проведенным Институтом психологии РАН и Академией управления МВД России, люди, становление личности которых приходится на конец XX века (90-е годы) и начало XXI века, имеют существенные пробелы в нравственном развитии. 80% из числа этих людей, относятся к мошенничеству, как к норме и утверждают, что деньги можно зарабатывать любым способом, лишь бы они были. Специалисты Генеральной прокуратуры Российской Федерации отмечают рост преступлений, связанных с мошенничеством в 2015 году на 6,5% (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), а в первом полугодии 2016 года на 25,3%. На 3% в первом полугодии 2016 года выросло и общее число преступлений. В современном российском обществе сформировались новые идеологемы, в соответствии с которыми появилась мода на безнравственность. Нередкими являются случаи, когда молодые женщины теряют материнский инстинкт и выбрасывают своих детей в форточку, просто потому, что они им надоели.⁴

В сложившихся условиях, особую актуальность приобретает проблема межконфессионального сотрудничества, направленного на разрешение многочисленных противоречий и преодоление нравственной деграда-

3 Александр Емельяненко, Елена Яковлева. Код да истины. // Российская газета – Федеральный выпуск № 4433 (0), 07.08.2007 03:00. // URL: <http://rg.ru/2007/08/07/cerkov-spor.html> (дата обращения 20.10.2016).

4 В. Юревич. Нелюди // Российская газета – Федеральный выпуск № 5817 (144) от 27.06.2012, 00:28 // URL: <https://rg.ru/2012/06/26/arest-site.html> (дата обращения 20.10.2016); В РФ за первое полугодие выросло количество зарегистрированных преступлений // Сетевое издание «РИА Новости» (29.07.2016, 12:39) // URL: <http://ria.ru/incidents/20160729/1473149980.html> (дата обращения 20.10.2016).

ции российского общества. Однако, возможность эффективного и взаимовыгодного сотрудничества религиозных конфессий, в современных условиях, в первую очередь, следует связывать с решением проблемы преодоления антигуманистических интересов экономических элит. Нарождение экономических элит, приобретающих свое положение в результате использования инструментов «наживы» (ростовщическая деятельность, использование частной собственности в целях «наживы», спекуляция и т. д.), является естественным следствием провозглашения западных принципов демократии и реставрации в Российской Федерации капиталистических отношений. Наряду с этим, естественным следствием данных обстоятельств является узурпация экономическими элитами политической власти в целях защиты своих интересов и легализации своей деятельности.

Таким образом, характерным явлением для современной модели общественных отношений, установившейся в постсоветской России, стала подчиненность общественных институтов интересам экономических элит. Соответственно, в сфере науки достаточно распространенным становится феномен сервизма. Несмотря на прямое осуждение ростовщической деятельности и других видов «наживы», которое содержится в классических источниках ведущих религиозных учений, для религиозных конфессий характерным становится феномен игнорирования антигуманной сущности «наживы» и либеральной модели экономических отношений.

Безусловно, преодоление данных проблем и реабилитация традиционных нравственных ценностей имеет в современных условиях приоритетное значение и, наряду с гуманизацией общественных отношений в российском обществе, может способствовать достижению межконфессионального согласия.

Bibliography

1. Maria Agranovich. They took for granted // Rossiyskaya Gazeta - Federal Issue number 5734 (61) on 21.03.2012 (00:20) // URL: <https://rg.ru/2012/03/20/religiya-site.html> (20.10. 2016).
2. Elena Novoselova. Rossiyskaya Gazeta - Capital Issue number 6927 (59) on 21.03.2016 (23:20) // URL: <https://rg.ru/2016/03/21/po-specialnosti-teologiiia-budut-zashchishchat-dissertacii.html> (20.10. 2016).
3. Aleksander Emelianenko, Elena Yakovleva. // Rossiyskaya Gazeta - Federal Issue number 4433 (0) 07.08.2007 3:00. // URL: <http://rg.ru/2007/08/07/cerkov-spor.html> (10/20/2016).
4. Yurevich A.V. Inhumans // Rossiyskaya Gazeta - Federal Issue number 5817 (144) from 27.06.2012, 00:28 // URL: <https://rg.ru/2012/06/26/arest-site.html> (reference date 20/10/2016); In Russia, for the first half increased the number of registered crimes // Network edition "RIA Novosti" (29.07.2016, 12:39) // URL: <http://ria.ru/incidents/20160729/1473149980.html> (20.10. 2016).
5. Ryabova E.L. The discussion on the strategy of international relations (editorial) // Etnosotsium and international culture. 2012. №5 (47). – P. 7- 8.
6. Ryabova E.L. Ethnic Relations and Culture of conflict interaction // Herald BIST (Bashkir

- Institute of Social Technologies). 2012. №1 (13). – P. 63-68.
7. Dzutsev K.V. Ethnosociological portrait of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation. M. ROSSPEN 2012.
 8. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 2. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
 9. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 3. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
 10. Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia in the XXI century: a national response to the national question: Monograph. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2009.
 11. Ryabova E.L., Boltenkova L.F. Basics of public administration in Russia in their historical development. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium” Moscow. 2015.
 12. Bormotova T.M., Ryabova E.L., Shikula I.R., Radchenko A.F., Suzdaleva T.R. Migration management of modern Russia: political forecasting / Collective monograph / Edited by E.L. Ryabova, T.M. Bormotova. International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015. 90 p.
 13. Biryukov S.V., Ryabova E.L. Eurasian Integration: the Republic of Kazakhstan as an example of state-building and participation in the integration processes. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
 14. Ternovaya L.O., Bagaeva A.V. Legal basis for European integration. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
 15. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 4. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2016.
 16. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 5. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2016.
 17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics through the Prism of Historical Comparisons: the First Postwar Year and 70 Years Ago / Etnosotsium and international culture. 2016. №4 (94). P. 9-16.
 18. Biryukov S.V., Ryabova E.L. «Turkish Gambit» of Tayip Erdogan / Etnosotsium and international culture. 2015. №9 (87). P. 94-99.
 19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The interconnections of international journalism and international analytics: Russian experience / Etnosotsium and international culture. 2015. №8 (87). P. 154-161.
 20. Biryukov S.V., Ryabova E.L. Bismarck: unlearned lessons of history? / Etnosotsium and international culture. 2015. №6 (84). P. 124-126.
 21. Aminov I.R. The state national policy as a way to maintain the ethno-political stability in modern Russia. // State of Law: Theory and Practice. 2014 № 4 (38), P. 26-28.
 22. Aminov I.R. Ethno-political conflicts in a multicultural environment: from the “Arab Spring” to North Atlantic migratory crisis // Bulletin of the Bashkir University. 2014. №2 (19). P. 666-670.
 23. Beysenbin K.A., Letunovskiy P.V. The Problems of Improvement of State National Policy in the Post-Soviet Russia // Etnosotsium and international culture. 2016. № 5 (95). P. 9-14.
 24. Beysenbin K.A., Letunovskiy P.V. Transformation of Interethnic Relations under the Conditions of Globalization // Etnosotsium and international culture. 2016. № 5 (95). P. 47-52.
 25. Ermakov V.M., Antsiferova I.V. The meaning of the concept “mentality”: substantive and structurally functional aspects // Etnosotsium and international culture. 2016. № 4 (94). P. 46-47.
 26. Anciferova I.V., Ermakov V.M. The Common and the Particular in the Mentality of Russian Voters in Terms of Cluster Analysis // Etnosotsium and international culture. 2016. № 1 (91). P. 37-42.
 27. Markaryan V.R., Smirnova M.I. Ethnicity and ethnic identity in modern science // Etnosotsium and international culture. 2016. № 4 (82). P. 81- 87.
 28. Ryabova E.L. Russian Economy: pair of cosmopolitan and national problems // M.: International Publishing Center Etnosotsium. № 1, 2014. (67). P. 9-11.
 29. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 2 (68). P. 9-15.
 30. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 3 (69). P. 9-15.
 31. Ryabova E.L. A holistic approach to science and its prospects // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 4 (70). P. 187-189.

Бредихин А.В.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политологических исследований ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ФГБУН «Национальный институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук».

Духоборы в системе межнациональных отношений Грузии и Российской Федерации

«А какой ты есть человек? – Духоборец.

– Почему ты называешься духоборец?

– Понеже Бог есть дух, Бог есть слово, Бог есть человек. Духом богу молюсь и кланяюсь, потому я и духоборец»

Когда сегодня россияне говорят о Грузии, то у многих, к сожалению, возникают самые различные ассоциации, немалая часть из которых носит в первую очередь негативный характер. Это и русофоб Михаил Саакашвили, поддержавший Евромайдан и чуть было не вошедший в состав правительства Украины. Это и развязанная им «пятидневная война», чуть было не переросшая в геноцид жителей Южной Осетии. Это и некоторый негатив к самим русским, приезжающим в Грузию. Однако мы начинаем забывать о том, что все мы жили дружно семьей в составе Российской империи, а потом и СССР¹. Вместе строили страну и государство. Русские ученые и инженеры развивали Тифлисскую губернию и Грузинскую ССР. Русские войска защищали ее от османского нашествия. Примеров можно приводить много, но я хотел бы в данной статье остановиться на том, что в Грузии до сих пор живут русские, бережно храня русскую культуру и неся в себе частичку единого Русского мира и Русской (Евразийской) цивилизации.

По данным грузинской переписи населения 2014 г. численность русского населения страны составила всего 26453 человека, что составляет примерно треть от числа русских в Тбилиси (Тифлис) по данным императорской переписи 1897 г. При этом не забудем, что в последние годы советской власти в Грузии проживало 341 тыс. русских (1989 г.). Отток русских, в первую очередь в Россию, продолжается по сей день.

Рассматривая русское население в Грузии, нам бы хотелось акцентировать внимание на представителях религиозного направления

¹ Бредихин А.В. Советскость и российскость: формы преемственности наднациональной идентичности через призму поколений // Историческая память и диалог поколений в постсоветском обществе. Сборник статей № 1. М.: Научное общество кавказоведов, ИП Лобанов В.И., Книжный мир, 2016. № 1. С. 117-123.

духоборов, которые в Российской империи были выселены из Воронежской, Тамбовской и Екатеринославской губерний в Джавахетию в XIX в. Если в период правления Александра I духоборы пользовались его расположением, получили земли в Крыму (Мелитопольский уезд Таврической губернии), за что и поставили императору памятник, то сменивший его Николай I, опасаясь их религиозности, в 1837 г. издал указ о переселении последователей Силуана Колесникова в Закавказский край, в Джавахетию, прозванной за суровые условия жизни «грузинской Сибирью». И должны они были ехать в села, оставленные грузинами после набегов Турции.

В период 1841-1845 гг. примерно 5000 человек получили новую родину в Джавахетии и Дманиси (район Дманиси расположен в наши дни в области Квемо Картли, и был прежде известен как Борчало), а также Кедабек (сегодняшний Азербайджан) и Карс (сегодняшняя Турция, туда перебрались духоборы в 1879 г.). Согласно переписи населения 1886 г., в Закавказье уже насчитывалось 13 тысяч духоборов, из них в Тифлисской губернии (Ахалкалакский и Борчалинский уезды) – 7132 человека, в Елисаветпольской – 2280, в Карсской области – 3396, в Эриванской губернии – 200 человек².

К основным местам расселения духоборов следует отнести следующие села Ниноцминдского (ранее Богдановка) муниципалитета: Гореловка, Ефремовка, Орловка (Терпение), Спасовка, Родионовка, Тамбовка, Богдановка, Троицкое, и на востоке – с. Красногорка. Все они названы по аналогии с селами в Запорожье, где духоборы проживали ранее. В Дманиси духоборы жили в пяти деревнях: Дманиси, Кировиси, Ваке, Гантиади и Ормашени.

Отметим, что представители иного сектантского направления среди русского населения Грузии – молокане проживали, в основном, в Восточной Грузии: с. Красногорка, (ранее Малхазовка) Сагареджойского района, с. Ульяновка (ранее Новоалексеевка) Сигнагского района, с. Нинигори (ранее Ново-Михайловка) и Свободное (ранее Графовка) в Лагодехском районе. Их малая часть также проживала в Тбилиси. С 1990 г. они убыли в эмиграцию и сегодня поселение сектантов практически не существует. До 90 семей остались в селе Свободное, а также в малом количестве проживают в Ульяновке.

Возвращаясь снова к духоборам, отметим, что после введения всеобщей воинской повинности на Кавказе в 1897 г., духоборы воспротивились подобной политике царской власти. Ссылаясь на религиозные убеждения, они отказались брать в руки оружие, за что 300 отказавших-

2 Семенов И.Я. История закавказских молокан и духоборов.- Ереван, 2001. – 124 с.

ся служить молодых духоборов были направлены в Екатериноградский дисциплинарный полк, где были подвержены жестокому и нечеловеческому обращению. Больше 4 000 духоборов были сосланы в другие грузинские регионы (Кахети и Имерети) и Осетию. Видя сложившуюся ситуацию, Лев Толстой принял активное участие в сборе средств для эмиграции духоборов. В результате в 1898-1899 гг. 7681 сторонник Петра Веригина эмигрировал в Саскачеван (Канада), а в Джавахети осталось 10000 человек.

Характерной чертой духоборов стало соотношение их к казачеству, многие из них служили в Екатеринославском казачьем войске, считая себя жителями России, людьми Божьими. Отвечая на вопрос «Почему ты казак?», говорили «Смею Божие слово сказать, Сатану связать». В конце XVIII-XIX вв. часть духоборцев бежала от рекрутчины в Турцию к казакам-некрасовцам³.

Заметим, что сегодня в Канаде проживает порядка 30-50 тысяч русских духоборов, столько же как и русское население Грузии⁴.

Приход советской власти также способствовал оттоку духоборов из Джавахетии. У них отняли большинство земель, которые перешли в пользование грузинского и армянского населения. Это послужило причиной тому, что в 1923 г. 4,5 тысячи духоборов переселились в Сальские степи Ростовской области.

К началу 1990-х гг. численность духоборов составила порядка 7 тысяч человек. С распадом СССР Российская Федерация предпринимает шаги по их возвращению из Грузии, в частности было принято распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 февраля 1994 г. № 263-р «О мерах в целях оказания гуманитарной помощи русскоязычной общине духоборов, проживающих в Республике Грузия», распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 мая 1995 г. № 659-р «Об оказании срочной гуманитарной помощи русской общине духоборов, проживающих в Ниноцминском районе Республики Грузия», постановление Правительства Российской Федерации от 1 мая 1996 г. № 532 «О мерах государственной поддержки в 1996 - 1998 годах переселения граждан в Тульскую область», постановление Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1998 г. № 1462 «О мерах государственной поддержки переселения членов сельскохозяйственной общины духоборов из Грузии в Российскую Федерацию».

Большая часть семей духоборов воспользовалась государственной поддержкой переселенцев и выехала в Брянскую, Тамбовскую и Туль-

3 Иникова С.А. Представления о казаках и казачьи традиции в культурно-религиозной жизни духоборцев// Этнографическое обозрение, 2015. № 2. С. 70-82.

4 Генеалогический сайт общины www.doukhobor.org

скую области. В соответствии с программой Министерством иностранных дел Российской Федерации была оказана консульская помощь, Министерство финансов Российской Федерации выделило в 1998 г. администрации Брянской области 10 млн. рублей на строительство первоочередных объектов. Переселенцам-духоборам была оказана финансовая поддержка, организован их переезд.

На настоящий момент их число в Грузии колеблется в пределах 700-800 человек, проживая в основном в Гореловке (150 чел.) и Орловке (600 чел.). Пытаясь прояснить причины миграции духоборов из страны, приведем мнение председателя Союза русских женщин Грузии «Ярославна» и автора книги «Страна Духобория» Аллы Беженцевой: «Причиной переезда была не националистическая рознь, а экономическая ситуация. Многие работали на российской военной базе в Ахалкалаки, и, когда эта база закрылась, почти пять тысяч остались без работы. Второй момент, который вызвал миграцию – это то, что молодежь не смогла сразу приспособиться из-за плохого знания языка, продолжать обучение, найти элементарную работу».

Распад Советского Союза и расформирование колхозов больно ударило по духоборам. Но традиции общинной жизни у русских, обосновавшихся на юге Грузии, сильны. Они пытаются держаться вместе, и около 15 человек, объединенных в духоборческий кооператив, содержат около 140 коров.

Местные жители, как в давние времена, носят национальную одежду, которая передается из поколения в поколение. А каждое воскресенье они собираются в «Сиротском доме» на молебен, куда, к сожалению, приходит все меньше человек. В Гореловской школе, построенной в 1903 г. Николаем II и носящей имя Льва Толстого, сейчас учится всего 80 человек.

Орловка и сегодня выступает значимым культовым центром для духоборов всего мира. Там находятся «могилки» праведников, там есть и «пещерка», в которой 29 июля 1895 г. было сожжено оружие в знак протеста против призыва духоборов в армию. Туда же каждый год приезжают канадские духоборы – поклониться родным местам. Сегодня эти места, к сожалению, не имеют статуса культурных памятников Грузии, и если оставшиеся духоборы уедут в Россию, то они окажутся под угрозой полного и одновременного разрушения.

Большая помощь оставшимся в Грузии духоборам идет от духоборцев Канадской общины. Ранее поддержку оказывало посольство Российской Федерации в Грузии: школьные учебники, материальная помощь, помощь в оформлении документов. Гореловская школа (построенная почти сто лет назад) была отремонтирована и снабжена печ-

ками и дровами по программе волонтеров ООН. Пока существовала Ахалкалакская военная база российских войск – она также оказывала внимание духоборческой общине.

На вопрос о том, есть ли будущее у духоборческой общины в Грузии, у нас ответа нет. Русские деревни вымирают, а духоборы все больше и больше теряют свою культуру. Сначала приняли западный образ жизни духоборы из Канады. Затем европейскими привычками обзавелись духоборы, мигрировавшие в Брянскую область. Орловские и гореловские духоборы – самые стойкие. Многие оптимисты возвращаются на родину своих предков и верят в возрождение общины. И здесь у России есть свой интерес: несмотря на проводимую в их отношении на протяжении ряда периодов политику, духоборы были и остаются хранителями традиций «Русского мира».

Ввиду чего возникает необходимость использования русской (духоборческой) диаспоры Канады, как это успешно делают украинцы, в деле лоббирования автономии духоборов в Грузии по аналогии с Эньхе-Русской национальной волостью в Китае.

Bibliography

1. Bredikhin A.V. Soviet and Russian: the continuity of a supranational form of identity through the prism of generations // Historical Memory and intergenerational dialogue in the post-Soviet society. Collection of articles number 1. M.: Scientific Society Caucasologists, I.P. Lobanov, Book World, 2016. № 1. P. 117-123.
2. Inikova S.A. Representations of the Cossacks and Cossack traditions in the cultural and religious life of the Doukhobors // Ethnographic Review, 2015. № 2. P. 70-82.
3. Semenov I.J. History of Transcaucasian Molokans and duhobors. - Yerevan, 2001. - 124 p.
4. Genealogical // www.doukhorbor.org community.
5. Ryabova E.L. The discussion on the strategy of international relations (editorial) // Etnosotsium and international culture. 2012. №5 (47). – P. 7-8.
6. Ryabova E.L. Ethnic Relations and Culture of conflict interaction // Herald BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2012. №1 (13). – P. 63-68.
7. Dzutsev K.V. Ethnosociological portrait of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation. M. ROSSPEN 2012.
8. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 2. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
9. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 3. / International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.
10. Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia in the XXI century: a national response to the national question: Monograph. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2009.
11. Ryabova E.I., Boltenkova L.F. Basics of public administration in Russia in their historical development. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium” Moscow. 2015.
12. Bormotova T.M., Ryabova E.L., Shikula I.R., Radchenko A.F., Suzdaleva T.R. Migration management of modern Russia: political forecasting / Collective monograph / Edited by E.L. Ryabova, T.M. Bormotova. International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015. 90 p.
13. Biryukov S.V., Ryabova E.L. Eurasian Integration: the Republic of Kazakhstan as an example of state-building and participation in the integration processes. - M.: International Publishing Center “Etnosotsium”, Moscow. 2015.

14. Ternovaya L.O., Bagaeva A.V. Legal basis for European integration. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
15. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 4. / International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2016.
16. The Council on International Relations of the President of the Russian Federation, Volume 5. / International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2016.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics through the Prism of Historical Comparisons: the First Postwar Year and 70 Years Ago / Etnosotsium and international culture. 2016. №4 (94). P. 9-16.
18. Biryukov S.V., Ryabova E.L. «Turkish Gambit» of Tayip Erdogan / Etnosotsium and international culture. 2015. №9 (87). P. 94-99.
19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The interconnections of international journalism and international analytics: Russian experience / Etnosotsium and international culture. 2015. №8 (87). P. 154-161.
20. Biryukov S.V., Ryabova E.L. Bismarck: unlearned lessons of history? / Etnosotsium and international culture. 2015. №6 (84). P. 124-126.
21. Aminov I.R. The state national policy as a way to maintain the ethno-political stability in modern Russia. // State of Law: Theory and Practice. 2014 № 4 (38), P. 26-28.
22. Aminov I.R. Ethno-political conflicts in a multicultural environment: from the "Arab Spring" to North Atlantic migratory crisis // Bulletin of the Bashkir University. 2014 №2 (19). P. 666-670.
23. Beysenbin K.A., Letunovskiy P.V. The Problems of Improvement of State National Policy in the Post-Soviet Russia // Etnosotsium and international culture. 2016. № 5 (95). P. 9-14.
24. Beysenbin K.A., Letunovskiy P.V. Transformation of Interethnic Relations under the Conditions of Globalization // Etnosotsium and international culture. 2016. № 5 (95). P. 47-52.
25. Ermakov V.M., Antsiferova I.V. The meaning of the concept "mentality": substantive and structurally functional aspects // Etnosotsium and international culture. 2016. № 4 (94). P. 46-47.
26. Anciferova I.V., Ermakov V.M. The Common and the Particular in the Mentality of Russian Voters in Terms of Cluster Analysis // Etnosotsium and international culture. 2016. № 1 (91). P. 37-42.
27. Markaryan V.R., Smirnova M.I. Ethnicity and ethnic identity in modern science // Etnosotsium and international culture. 2016. № 4 (82). P. 81-87.
28. Ryabova E.L. Russian Economy: pair of cosmopolitan and national problems // M.: International Publishing Center Etnosotsium. № 1, 2014. (67). P. 9-11.
29. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 2 (68). P. 9-15.
30. Ryabova E.L. Economy and migration // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 3 (69). P. 9-15.
31. Ryabova E.L. A holistic approach to science and its prospects // M.: International Publishing Center Etnosotsium. 2014. № 4 (70). P. 187-189.
32. Ryabova E.L. Culture of conflict interaction as the factor of political stability: Monograph. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2009.
33. Pusko V.S. Russian society and its ideology // Etnosotsium and international culture. 2015. № 4 (82). P. 15-20.
34. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // "Interchurch Mission". 2016. № 14. P. 6-13.
35. Kostukov A.L. Peculiarities of Russian educational services export // Almanac Cossacks. 2016. № 20 p. 51-65.
36. Bredihin A.V. Donetsk-Makeevka agglomeration: the development of cross-border cooperation // Almanac Cossacks. 2016. № 19. P. 12-17.
37. Kurbonzoda Honali Methodological aspects of historical and cultural studies of social transformation (example of the Republic of Tajikistan) // Almanac Cossacks. 2016. № 19. P. 57-67.

Галаганова С.Г.

Кандидат философских наук, доцент кафедры
«Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ
(Московский государственный технический университет) имени Н.Э. Баумана.

«Жажда правды» в несправедном мире: идея справедливости и межконфессиональный христианский диалог

Блаженны алчущие и жаждущие правды

Мф. 5:6

Межконфессиональный диалог сегодня было бы, на наш взгляд, гораздо более плодотворно понимать и строить не столько как богословский обмен мнениями по поводу религиозных догматов и духовной практики, сколько как заинтересованное обсуждение актуальных проблем современного жизнеустройства в свете понимания конкретными конфессиями сущности человека, его бытийного назначения, декларируемых идеалов и нравственных норм. Если, например, христианство считает высшим идеалом и целью человеческой жизни так называемое обожение (реализацию в личности «авторского проекта» в виде её уподобления Творцу), то, очевидно, имеет смысл поставить вопрос о том, как именно должна быть устроена жизнь людей в обществе (и в целом, и в отдельных его сферах), чтобы максимально способствовать достижению этой цели каждым человеком (или, по крайней мере, не препятствовать этому). Какая модель общественных отношений будет в наибольшей степени соответствовать божественным заповедям, зафиксированным в священных книгах и предании? Речь идёт об определённых «требованиях», «предъявляемых» конкретной конфессией к социуму, о последнем звене в цепочке «религия – религиозная этика – культура – общественное устройство».

Исследование этих вопросов несколько не грозит ни разрушением веры, ни секуляризацией духовной жизни. Напротив, изучение и обсуждение «социальных проекций» конфессий имеет большое значение для их миссионерской деятельности, успех которой в немалой степени зависит от способности миссионеров дать адекватные ответы на основные вызовы конкретно-исторического этапа общественного развития и степени совпадения этих ответов с доминирующими общенациональными умонастроениями. Поскольку в данном случае речь пойдёт о христианстве, нельзя не вспомнить о неудачах православного миссионерского служения в России конца XIX – начала XX веков и катастро-

фическом падении авторитета Русской Православной Церкви в глазах народа по причине неумения обозначить принципы общественного жизнеустройства, соответствующие духу Евангелия и массовым представлениям о «правде Божией» (об этом красноречиво свидетельствуют документы Священного Синода).

Сегодня, когда в условиях «глобализма по-американски» мир стремительно погружается в бездну небывалого неравенства, острое чувство социальной несправедливости доминирует в сознании большинства населения не только России, но и всех других стран, развивающихся на основе неолиберальной экономической модели. Исследователи социальной поляризации пишут о «конце общества равных возможностей» в связи с его окончательным разделением на замкнутую, обособленную касту «хозяев жизни» («новый высший класс») и основную массу граждан («новый низший класс»), осознающую, что их социальное положение уже не зависит от собственных трудовых усилий¹. Этот процесс протекает, как известно, не только в рамках отдельных стран, но и на планетарном уровне.

Будучи одним из главных вызовов глобализации, проблема устройства жизни на справедливых началах стала не менее серьёзным вызовом и для любой серьёзной духовной миссии, ибо идеи и чувства справедливости имеют духовную основу. Ведь оценивая ту или иную ситуацию как справедливую или несправедливую, человек соотносит её не только с «духом и буквой» конкретных законов («справедливый приговор»), но и с некими высшими принципами, зачастую не вполне осознаваемыми («совесть подсказывает»). Эти «вечные» религиозно-этические нормы передаются от поколения к поколению и неизбежно воспринимаются всеми членами социума (в том числе и весьма далёкими от религиозной веры) в качестве системы нравственных координат.

Что касается христианства, где сам Господь Бог метафорически именуется «Солнцем Правды», то слова «правда» (библейский синоним «справедливости»), «праведный», «оправдание» встречаются почти на каждой странице Священного Писания. Ещё в Ветхом Завете (например, апокрифической Третьей книге Ездры) тема справедливости приняла эсхатологический характер: «умножение неправды» и утрата людьми самой способности отличать неправду от правды выступает здесь как важнейший признак и главная причина «конца истории». «Путь истины сокроется, и вселенная оскудеет верою, и умножится неправда... <...> Одна область будет спрашивать другую соседнюю: “не проходила ли по тебе правда, делающая праведным?” И та

1 См., напр. Charles Murray. Coming Apart: The State of White America, 1960–2010. – Eastbourne (GB): Gardners Books, 2012; Charles Kenny. How Did the World's Rich Get That Way? Luck // Bloomberg Business Week, April 22, 2013.

скажет: «нет»²» И наоборот: окончательная реализация божественного замысла о мире связывается – например, в Псалтири – с торжеством высшей справедливости. «Милость и истина повстречаются, правда и мир облобызаются», – пророчествует псалмопевец Давид, указывая на глубинную связь «правды» со всеобщей гармонией («миром»)³.

Тема справедливости присутствует и в дохристианской культуре ныне христианских народов. Так, в древнерусских духовных стихах, известных под названием «Голубиная книга», повествуется о битве Правды с Кривдой, в результате которой победившая Правда «пошла на небеса», а побеждённая Кривда «пошла по всей земле»⁴. В современном христианском богословии последнее обстоятельство (грехопадение) трактуется как доисторическая вселенская катастрофа, связанная с действием космогонических факторов внеземного характера, в частности, «Большим Взрывом»⁵.

Что касается русского православия, то новозаветное понимание справедливости («Правды Божией») было впервые осмыслено и подробно изложено в XI веке митрополитом Киевским Иларионом в знаменитом «Слове о законе и благодати». Поскольку в основе содержания этого произведения – борьба Киевской Руси с Хазарским каганатом как наиболее острая проблема древнерусской политической жизни IX – начала XI веков, новый евангельский нравственный идеал, воплощённый автором в понятии Благодати, формулируется в сравнении с ветхозаветным законом. Иларион подчёркивает, что принцип «пропорциональности» содеянного и обрётённого, на котором основан любой закон, после Голгофы и евангельской проповеди перестал быть единственным мерилom справедливости: «Озеро законное иссохло, евангельский же источник наводнился», «отошёл свет луны, когда воссияло солнце, так и закон уступил место Благодати»⁶.

Не отвергая закон и не отрицая его практического значения, Евангелие указало на его сущностную ущербность – неспособность к познанию человеческих душ и судеб во всей их глубине и полноте. В своём божественном воплощении Правда недоступна закону, до неё не в силах «дотянуться» ни один, даже самый справедливый, земной суд. Богоподобие человека – в его свободном личном выборе, ежеминутном волевым самоопределении по отношению к любым жизненным обстоятельствам (наследственности, воспитанию, социальной среде). Это делает понятным парадоксальное, на первый взгляд, апостольское утверждение, что

2 3 Ездры, 5, 1–12.

3 Пс. 84, 11–12.

4 См.: Голубиная книга // Голубиная книга. Русские народные духовные стихи / Сост., вступ. статья, примеч. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошина. – М.: Московский рабочий, 1991;

5 См.: Епископ Василий (Родзянко). Теория распада вселенной и вера отцов. – М.: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1996;

6 Цит. по: Вадим Кожин. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Альманах библиофила. Вып. 26. – М.: Книга, 1989, с. 29, 33.

на небесах будет больше радости об одном кающемся грешнике, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии⁷.

Направленность внутреннего движения человеческой души («вверх» или «вниз», к Богу или к дьяволу), реализующаяся не только в поступках, но и в помыслах, – вот что важно для Суда Божия⁸. Эти истинные душевные глубины недоступны человеческому зрению, воспринимающему лишь их внешние проявления, как неспособно и человеческое сердце к той любви, которая является сущностью Бога. Божественная Правда основана не только на совершенном знании о человеке и мире, но и на столь же совершенной любви к ним. Отсюда евангельские указания на невозможность осуществления истинной справедливости без «милости». Из такой трактовки «правды» – высшей, благодатной, основанной на Любви, достойной религиозного почитания – выросло, как из семени, всё гигантское древо русской культуры. Эта идея стала главным критерием общественного устройства и поведения отдельного человека, она питала на протяжении веков обряды и обычаи народа, его литературу и искусство.

В более поздних святоотеческих и богословских интерпретациях понятие Благодати предстаёт как синоним вселенской гармонии; оно характеризует интегративное качество любой целостной системы, части которой находятся в состоянии уравнищенности и непротиворечивости, как по отношению друг к другу, так и по отношению к целому. Часть не может быть больше целого, часть не может господствовать над целым – это не соответствует высшей Правде (неправильно, несправедливо) и оттого безблагодатно. Отсутствие Благодати рождает всеобщее отчуждение – человека от природы, труженика от плодов своего труда, власти от общества, гражданина от государства. Пожалуй, наиболее ярко эти идеи выражены в трудах Пауля Тиллиха⁹.

Впрочем, в последней четверти прошлого столетия понятие справедливости обрело на Западе твёрдый категориальный статус не только в теологии, но и политической философии: в 1971 году в США вышла книга профессора Гарвардского университета Джона Ролза «Теория справедливости»¹⁰. С тех пор исследователи говорят о «двух эрах» в понимании данной проблемы – «до Ролза» (Before Rawls) и «после Ролза» (After Rawls). С тех пор категория справедливости занимает в философии

7 Лк. 15, 7.

8 По слову святых отцов, на нём будут крайне изумлены все: «не имеющие нужды в покаянии» (то есть самовлюблённые гордецы) – непонятной суровостью приговора; почитающие себя грешниками (то есть люди с обострённой совестью) – неожиданным милосердием Праведного Судии.

9 См. Пауль Тиллих. Любовь, сила и справедливость. Онтологический анализ и применение к этике / Пер. с англ. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

10 Джон Ролз. Теория справедливости / Пер. с англ. и науч. ред. В. В. Целищев. – М.: Изд-во ЛКИ, 2009.

ской науке место, подобное понятиям истины в гносеологии или красоты в эстетике, а говорить о «бесплатном сыре», который якобы имеется «только в мышеловке», стало неприлично.

Труд профессора Гарварда – фундаментальный, опирающийся на огромный массив междисциплинарных исследований – сформировал новую интеллектуальную атмосферу, в которой выросло уже два поколения учёных, литераторов, публицистов. В очень упрощённом виде результаты Rawls Revolution («революции Ролза») можно свести к закреплению в общественном сознании трёх основных идей: 1) справедливость является главной социальной ценностью, условием реализации всех прочих ценностей (включая культурную свободу) и критерием «здоровья» общества (не только в силу соображений нравственного порядка, но и потому, что социальная несправедливость блокирует творческий потенциал народа); 2) уровень справедливости в обществе измеряется положением беднейших слоёв (а не среднего класса); 3) то, что не идёт на пользу всем, не является справедливым. Будучи христианскими по сути, эти идеи воспринимаются многими представителями западного интеллектуального сообщества как спасительные (survival) для культуры, утрачивающей свою христианскую идентичность. В связи с этим «внуки Ролза» всё чаще обращают взоры к России с её «центрированной вокруг справедливости» (justice-centered) духовностью¹¹.

В истории российской культуры присутствует уникальное явление, которое можно, на наш взгляд, рассматривать как один из серьёзных «комментариев» к русскому народному пониманию «правды». Это раскол XVII века, породивший старообрядчество – феномен не столько религиозный, сколько идейно-нравственный и социальный. Идеология раскола с самого начала приняла форму «русской мечты»; она питала восстания Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачёва. К началу прошлого столетия раскол уже почти полностью «ушёл в подполье», официально числясь обычным православием. Сотрудники 3-го отделения МВД докладывали императору Николаю I, что старообрядцы в России исчисляются не миллионами, а десятками миллионов, и что «дух дерзновеннейшего отвержения» царской власти и гражданских законов «дышит» не столько в далёких староверческих сёлах, сколько в среде московского купечества¹². Старообрядчество отвергало не только определённую церковную практику и саму официальную церковь, но и государство, и насаждаемый им «неправедный» общественный уклад.

11 Примечательны в этом отношении взгляды известного немецкого философа и публициста Хауке Ритца, полагающего, что «Россия может предстать как другая Европа, которая до сих пор сохранила связь с великой христианской культурой» (Интервью интернет-порталу «Росбалт» 26 июля 2014 г.: rosbalt.ru/main/2014/07/26/1296473.html).

12 А. Пыжиков. О происхождении реального русского социализма. Старообрядческий «след» // Изборский клуб, № 2(38), 2016, с. 89.

Сформировавшиеся к концу XIX века два «русских мира» разделяло уже не столько отношение к реформам патриарха Никона, сколько различная культурная и духовно-нравственная идентификация.

В противоположность общероссийскому частнособственническому укладу, жизнеустройство старообрядческих сообществ было общинно-коллективистским. «Соборный» дух и самоуправление русской крестьянской общины достигли здесь наивысшего развития. Исследователи раскола считают, что со времён Екатерины II (снявшей ограничения на торгово-мануфактурную деятельность) именно староверы формировали внутренний рынок страны, превратив российский капитализм в купеческо-крестьянский, существовавший преимущественно вне государственной банковской системы¹³. И точно так же, как под видом официального православия скрывалась совсем иная духовная жизнь, так и под видом частной собственности и имущественной иерархии скрывались общинность, выборная общинная власть, беспроцентные кредиты и безвозвратные займы из общинной кассы, «запущенные» на общественные деньги предприятия.

Несмотря на то, что сама по себе ситуация раскола (любого) воспринималась православным населением как грех, нравственное влияние старообрядцев в народе было огромным по причине очевидного соответствия принципов и норм их жизни евангельской этике («Божией Правде»). Это, в частности, касалось категоричного осуждения нетрудовых доходов, любых имущественных приобретений, не соответствующих адекватному трудовому вкладу, богатства, нажитого «на чужой беде» (отсюда соответствующее отношение к деревенским «кулакам»). Всё это считалось несправедливым, а следовательно, незаконным. Не говоря уже о частном владении тем, что вообще не является продуктом человеческой деятельности (землёй, водами, недрами). Судя по документам Священного Синода, именно эти массовые идейно-нравственные установки (а не проявления атеизма) больше всего пугали официальную церковь, оказавшуюся неспособной противостоять народным настроениям. В письме К. П. Победоносцеву от 18 января 1892 года Владимир Соловьёв пишет о том, что состоявшийся в Москве очередной миссионерский съезд «провозгласил бессилие духовных средств борьбы с расколом» и «с небывалым цинизмом» потребовал от правительства «светского меча»¹⁴.

Историки полагают, что к концу позапрошлого века городской пролетариат почти на 80% состоял из старообрядцев¹⁵. Если это так, то становится понятной убеждённость «сознательных рабочих» в том, что

13 А. Пыжиков. Указ. соч., с. 90.

14 Соловьёв В. С. Письмо К. П. Победоносцеву. Москва, 18 января 1892 года // Соловьёв В. С. Соч. в 2-х тт. Т. 2. – М.: Правда, 1989, с. 419.

15 А. Пыжиков. Указ. соч., с. 93.

фабрики и заводы, созданные несколькими поколениями русских труженников, должны принадлежать тем, кто на них работает, «фабричной артели», «заводской общине» (а вовсе не номинальным владельцам). Впрочем, вряд ли другие 20% бывших крестьян придерживались иного мнения. В свете вышесказанного становятся понятными и многие последние исторические выборы рабоче-крестьянской России, и сегодняшнее состояние национального сознания, которое по-прежнему (несмотря на многолетние усилия официальной пропаганды) не приемлет социальный эгоизм, деление общества на «преуспевших» и «проигравших», его превращение в жёсткую кастовую структуру.

История свидетельствует, что на уровне социума состояние отчуждения наиболее естественно преодолевается в общине (по-латински именуемой коммуна), будь то катакомбные общины ранних христиан, или русская крестьянская община. Основанная на взаимоотношениях «братьев и сестёр» (по вере, идеологии, социальному положению), общинная модель представляет собой самодостаточный «субъект» (космос, «мир»), где безусловный приоритет целого по отношению к его частям не воспринимается последними как репрессивный в силу принципиального единства интересов и ценностей. Напротив, только в целом (другом, но близком и родном) часть максимально реализует себя; только в целом обретает смысл её ограниченное во времени земное бытие («на миру и смерть красна»). Неслучайно русское слово «счастье» этимологически восходит к «со-частию», «со-участию». Господство части (социальной группы или отдельной личности) над целым, то есть поглощение ею материальных и духовных ресурсов народа, воспринимается общинным сознанием не только как несправедливость (угнетение, эксплуатация), но и как своего рода «духовное самоубийство». Поэтому стяжательство, стремление к личному благополучию за счёт других всегда вызывало в России не только осуждение, но и искреннее сочувствие. Ибо индивидуализм не только несправедлив, но и деструктивен: претензии части на роль целого, «восстание» элементов системы друг на друга ведут к разрушению и системы, и их самих. Отсюда проистекает специфика «русского мессианства»: стремление не только устроить жизнь человечества на началах подлинного равенства общинного братства (где, кстати, никогда не было и не может быть формальной «уравниловки»), но и предотвратить глобальную катастрофу, удержав мир от сползания ниже критического уровня «неправды».

К сожалению, это стремление так и не нашло адекватного отражения в социальной философии официального русского православия. И в этом отношении концепция «служашей Церкви», декларируемая Вторым Ватиканским собором (1965), намного ближе этическим установ-

кам русского национального сознания, нежели социальная доктрина РПЦ, предполагающая создание «солидарного общества» и «нравственного государства» в условиях конкурентно-олигархической экономической модели. Традиции русского старообрядчества и идея «Церкви для бедных» Папы Иоанна XXIII, подвижнический опыт индивидуального социального служения христиан всего мира и «теология освобождения» – всё это свидетельства потенциальной возможности обсуждения христианскими конфессиями проблемы справедливого жизнеустройства XXI века на основе евангельских заповедей и этических норм.

Список литературы:

1. Голубиная книга. Русские народные духовные стихи / Сост., вступ. статья, примеч. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошина. – М.: Московский рабочий, 1991.
2. Епископ Василий (Родзянко). Теория распада вселенной и вера отцов. – М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1996.
3. Кожин, Вадим. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Альманах библиофила. Вып. 26. – М.: Книга, 1989.
4. Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати. Пер. В. Дерягина. Комментарий В. Дерягина и А. Светозарского // Альманах библиофила. Вып. 26. – М.: Книга, 1989.
5. Пыжиков А. В. О происхождении реального русского социализма. Старообрядческий «след» // Изборский клуб, № 2(38), 2016.
6. Соловьёв В. С. Письмо К. П. Победоносцеву. Москва, 18 января 1892 г. // Соловьёв В.С. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 2. – М.: Правда, 1989.
7. Тиллих, Пауль. Любовь, сила и справедливость. Онтологический анализ и применение к этике / Пер. с англ. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
8. Kenny, Charles. How Did the World's Rich Get That Way? Luck // Bloomberg Business Week, April 22, 2013.
9. Рябова Е.Л., Шупленков О.В. Основы казачьей культуры: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.

Bibliography

1. Bishop Basil (Rodzianko). The Theory of the Big Bang and the Faith of the Holy Fathers. – М.: The Holy Trinity St. Sergius Lavra Publishing House, 1996.
2. Bobyleva E.J. Etymological Grounds of the Philosophical Concepts of “Justice” and “Truth” as Archetypical Foundations of the Russian Mentality // Culturological Analysis, No. 1, 2006.
3. The Book of Doves. Russian Spiritual Folk Verse / Compl., Introd., Annot. L.F. Soloschenko, J.S. Prokoshina. – М.: Moskovsky Rabochiy, 1991.
4. Kozhinov, Vadim. Hilarion's Writings and Historical Reality of His Time // Bibliophile's Anthology, Vol.26. – М.: Книга, 1989.
5. Pizchikov A.V. On the Origin of the Real Russian Socialism. The Russian Old-Believers' “Trace” // Club of Izbornik, № 2 (38), 2016.
6. Soloviov V.S. A Letter to K. P. Pobedonoszev. Moscow, January 18, 1892 // Soloviov V.S. Selected Works. Vol. 2. – М.: Pravda, 1989.
7. Tillich, Paul. Love, Power and Justice. Ontological Analysis and Ethical Applications. – М.: Humanitarian Projects Center, 2015.
8. Kenny, Charles. How Did the World's Rich Get That Way? Luck // Bloomberg Business Week, April 22, 2013.
9. Ryabova E.L., Shuplenkov O.V. Fundamentals of Cossack culture: schoolbook. - М.: International Publishing Center «Ethnosotsium», Moscow. 2015.

В Грозном прошла Международная исламская конференция

«Суфизм: безопасность для человека и стабильность для государств»

В Грозном прошла Международная исламская конференция «Суфизм: безопасность для человека и стабильность для государств». Она посвящена 63-летию первого Президента Чеченской Республики, Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова. В работе конференции принимали участие авторитетные богословы из Египта, Иордании, Сирии, Кувейта, Саудовской Аравии, Индонезии и других стран, а также представители духовенства из различных регионов России. Обсуждались актуальные вопросы современного мусульманского общества.

Представитель Администрации Президента Российской Федерации

М. Белоусов начал свое выступление с послания Владимира Владимировича Путина участникам форума.

«Считаю вашу конференцию очень важным и актуальным событием международного масштаба. Ее отличает насыщенная повестка, широкий авторитетный состав участников, среди которых известные ученые, представители ведущих исламских богословско-правовых школ», - гласит текст обращения Президента России.

В.В.Путин в своем послании также высказал уверенность в том, что международная конференция в Чеченской Республике будет содействовать укреплению внутрисламского диалога и сотрудничеству между последователями мировых религий.

Продолжая свое выступление, М.Белоусов отметил, что силы международного терроризма потерпели крах на чеченской земле потому, что Первый Президент Чечни Ахмат-Хаджи Кадыров смог объединить свой народ и выступить против подрывных сил, которые посягнули на целостность всей России.

Напомним, исламская конференция в Грозном посвящена памяти Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова и собрала за одним столом выдающихся ученых мусульманского мира, чтобы ответить на самые злободневные вопросы, касающиеся Уммы Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует.

Открылась конференция чтением суры из Священного Корана. После этого участников и гостей форума поприветствовал Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров. «Тема сегодняшней конференции очень актуальна. Наш форум призван показать, что суфизм является залогом безопасности для человека и стабильности для государств. Это важная просветительская миссия. Она адресована, прежде всего, сердцам и умам подрастающего поколения», - сказал Р. Кадыров. Он напомнил слова Первого Президента Чеченской Республики, Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова: «В годы самых тяжелых испытаний наш народ сохранил свое лицо благодаря суфизму, зикру. Я не представляю, что было бы с моим народом без них». «Эти слова наполнены великим смыслом. Ахмат-Хаджи был истинным мусульманином и настоящим суфием. Он считал поиск знаний духовного очищения обязательным предписанием для каждого праведного мусульманина. Это было его пониманием истинного и благословенного Аллахом джихада. Суть суфизма Ахмат-Хаджи освоил как мюрид, изучая переданного нам великими устами основы ислама», - сказал Р.Кадыров. Он отметил, что Ахмат-Хаджи Кадыров решительно осудил идею экстремистов и ваххабитов которые извращали религию Ислам. «Ахмат-Хаджи четко понимал, что эти люди являются врагами ислама, врагами чеченского народа. И время показало, что он выбрал абсолютно правильный путь. Хотя ради сохранения и защиты суфизма мы заплатили слишком дорогую цену. И это тоже слова Ахмата-Хаджи», - сказал Р.Кадыров. Он подчеркнул, что Ахмат-Хаджи Кадыров посвятил свою жизнь «возвращению на эту многострадальную землю мира и света истинного ислама, душой которой является суфизм». Перед участниками конференции также выступили многие известные богословы. В своих докладах и выступлениях они затронули проблемы взаимосвязи ислама и суфизма, сущность и задачи суфизма, специфику духовного воспитания молодого поколения в исламе. Международная исламская конференция «Суфизм: безопасность для человека и стабильность для государств» проходила в резиденции Главы Чеченской Республики в г.Грозном.

Источник: Пресс-служба Главы и Правительства Чеченской Республики

Марк Цукерберг подарил папе Римскому интернет-беспилотник и пожертвовал \$500 тыс. пострадавшим от землетрясения

Во время своего визита в Италию глава Facebook Марк Цукерберг встретился с папой Римским Франциском и подарил ему модель беспилотника на солнечных батареях. Это устройство обеспечивает доступ в интернет в местах, где его нет.

«Мы обсудили важность связи между людьми, особенно в тех частях света, где нет доступа к интернету. Мы подарили ему модель Aquila, нашего беспилотника на солнечных батареях, который будет раздавать доступ к интернету в тех местах, где его нет», — написал Цукерберг на своей странице в соцсети.

Также Марк Цукерберг встретился с премьер-министру Италии Маттео Ренци и обсудил последствия землетрясения в Италии и использование Facebook для организации помощи пострадавшим.

«Я был очень опечален, когда услышал о землетрясении, и первой реакцией стал вопрос о том, что нужно сделать, чтобы помочь. Мы задавались вопросом, что Facebook может сделать, и одна из самых важных вещей — это активация опции Safety Check, благодаря которой каждый раз, когда что-то случается, вы можете сообщить друзьям, что с вами все в порядке», — сказал Цукерберг выступая в понедельник в Риме перед студентами одного из ведущих университетов Италии Luiss.

Но мы хотели сделать больше и стали работать с Красным крестом. Мы пожертвовали 500 тысяч долларов и предоставили в их распоряжение нашу платформу для всего того, что может понадобиться», — продолжил он.

Abstracts

Matushanskaya Y.G.

Mahmutova M.N.

Features of formation of the roman-byzantine law and its influence on the formation of the ecclesiastical law

The article is devoted to problems of relationship between church and state to those basics on which this relationship is built. The legal sources providing a new view at cooperation of these two institutes are considered in the article. The analysis of these relations allows to make a conclusion that concrete legal mechanisms represent the essence of the theory of “the symphony of the authorities”. Secondly, the analysis of the problems which arose in the Roman legal system and promoted connection between the state and church is done. Also Biblical model of the power, the basis of which was the statement and division of two authorities, is considered. This theory became one of the main reasons of rapprochement of church and the state. Thus, the article displays important aspects of functioning of church and state.

Keywords: state and church relations, Roman law, symphony of the authorities, Justinian’s codification, Constantine the Great.

Pleshchitser M.Y.

The destructive social phenomenon as a complex social problem

The article describes the essence of such destructive social phenomenon as domestic violence against children as a complex social problem, describes the features of the formation of destructive violent components in social interactions on the example of domestic violence against children.

Keywords: dominance, authority, enforced component, the concept of “violence”, domestic violence against children, the cycle of violence, justification of violence, responses to violence, aggression, consequences of violence, physical violence, sexual violence, material violence, psychological and emotional abuse, “secondary victimize, complex violence.

Afanasiev S.G.

The naturalistic-biologizing tendency and absolutisation of unconscious in western empathy theories of art creativity

In the article the positions of conscious and unconscious with reference to elements of art creativity are considered. In a modern science it is important for formation of contours of the uniform scientific law – “The General Law”.

Keywords: empathy, theory, art, suggestion, projection and introjection, reductionism and psychophysical parallelism.

Beysenbin K.A.

Issues of Interreligious Cooperation in Modern Russia

The article analyses the issues of interreligious cooperation within the search of ways to break moral and ethical deterioration of modern Russian society.

Keywords: religion, moral, interreligious cooperation, democracy, ideological pluralism, business elite, illicit gain.

Galaganova S.G.

“Thirst after righteousness” in the unrighteous world: the idea of justice and interconfessional christian dialogue

The idea of justice (“the Righteousness of God”), described as a basic Christian value and ethical standard, is argued to acquire particular significance in the interconfessional dialogue. It is also argued to be of great importance for the problem of bringing social life patterns in accordance with the Gospel commandments.

Keywords: Christianity, Orthodox Christianity, confessions, interconfessional dialogue, values, justice, social justice, righteousness, Righteousness of God.

Аннотации

Матушанская Ю.Г.
Махмутова М.Н.

Особенности формирования римско-византийского права и его влияние на становление церковного права

Статья посвящена проблемам взаимоотношениям церкви и государства, тем основам, на которых эти взаимоотношения строятся. В статье проанализированы источники права, позволяющие по-новому взглянуть на сотрудничество этих двух институтов. Анализ этих отношений позволяет нам сделать вывод о том, что сущностью теории «симфонии властей» являются конкретные правовые механизмы. Кроме того, проделан анализ проблем возникших в римской правовой системе, которые способствовали соединению государства и церкви. Также была рассмотрена библейская модель власти, основой которой являлось утверждение и разделение двух властей. Данная теория послужила одной из главных причин сближения церкви и государства. Таким образом, статья отображает важные аспекты функционирования церкви и государства.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, римское право, симфония властей, кодификация Юстиниана, Константин Великий.

Плещицер М.Я.

Деструктивный социальный феномен как комплексная социальная проблема

В статье изложена сущность такого деструктивного социального феномена, как домашнее насилие в отношении детей, как комплексная социальная проблема, описаны особенности формирования деструктивной насильственной компоненты в социальных взаимосвязях на примере домашнего насилия в отношении детей.

Ключевые слова: господство, авторитет, насильственная компонента, концепция «насилия», домашнее насилие в отношении детей, цикл насилия, оправдание насилия, реакция на насилие, агрессия, последствия насилия, физическое насилие, сексуальное насилие, материальное насилие; психологическое и эмоциональное насилие, «вторичная виктимация», комплексное насилие.

Афанасьев С.Г.

Натуралистически-биологизаторская тенденция и абсолютизация бессознательного в западных эмпатических теориях художественного творчества

В статье рассматриваются положения сознательного и бессознательного, применительно к элементам художественного творчества. В современной науке это важно для формирования контуров единого научного закона – «Всеобщего Закона».

Ключевые слова: эмпатия, теория художественного творчества, суггестия, проекция и интроекция, редукционизм и психофизический параллелизм.

Бейсенбин К.А.

Проблемы межконфессионального сотрудничества в условиях современной России

В статье проводится исследование проблемы межконфессионального сотрудничества в контексте поиска путей преодоления духовно-нравственной деградации современного российского общества.

Ключевые слова: религия, нравственность, межконфессиональное сотрудничество, демократия, идеологический плюрализм, экономическая элита, нажива.

Галаганова С.Г.

«Жажда правды» в несправедном мире:

идея справедливости и межконфессиональный христианский диалог

Рассматривая идею справедливости («Божией Правды») в качестве одной из главных христианских этических норм и ценностей, автор обосновывает её особую роль в диалоге христианских конфессий по проблеме соответствия современного жизнеустройства евангельским заповедям.

Ключевые слова: Христианство, православие, конфессии, межконфессиональный диалог, ценности, справедливость, социальная справедливость, правда, Божия Правда.

Authors

Afnasiev S.G., Candidate of Philosophical Sciences, Doctoral student of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Aesthetics, Chairman of the Board of the International Union of Public Associations "World Perspective" (UN and UNESCO programs).

Archpriest Dmitri Leskin, Member of the Public Chamber of the Russian Federation, President of Povolzhskiy Orthodox Institute, Head of Orthodox Classical Grammar School, Doctor of Philosophical Sciences.

Beysenbin K.A., Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer in the 'State and municipal management' of Smolensk branch of Federal State-Funded Educational Institution of Higher Vocational Education, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Bredihin A.V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Center Political Studies, Researcher of the Center of development and modernization of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations.

Galaganova S.G., Bauman Moscow State Technical University, Department of Information Analysis and Political Technologies, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Mahmutova M.N., Master of Religious Studies KFU.

Matushanskaya Y.G., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Science History, Professor of the Department of Religious Studies.

Pleshchitsker M.Y., Post-graduate student of the Public relations and mediapolicy Department of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy.

Авторы

Афанасьев С.Г. - кандидат философских наук, докторант МГУ имени Ломоносова, Факультет философии кафедра эстетики, Председатель Совета Международного Союза общественных объединений «Перспективный мир» (программы ООН и ЮНЕСКО).

Бейсенбин К.А. - кандидат политических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Смоленского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Бредихин А.В. - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политологических исследований ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ФГБун «Национальный институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук».

Галаганова С.Г. - кандидат философских наук, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ (Московский государственный технический университет) имени Н.Э. Баумана.

Матушанская Ю.Г. - доктор философских наук, доцент по кафедры философии, профессор кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета, профессор кафедры религиоведения (КФУ).

Махмутова М.Н. - магистр религиоведения (КФУ).

Лескин Д.Ю. - протоиерей, доктор философских наук, кандидат богословия, ректор Поволжского православного института, член Общественной палаты Российской Федерации, директор Православной классической гимназии г.о. Тольятти, заведующий кафедрой теологии СамГУПС, г. Самара.

Плещицер М.Я. - аспирант кафедры общественных связей и медиаполитики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.